

Владимир Соловьев

РОССИЯ И ВСЕЛЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

КНИГА ВТОРАЯ

Церковная монархия, основанная Иисусом Христом

"Андрей, брат Симона Петра, был один из двух, слышавших слова Иоанна и последовавших за Иисусом. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: Христос. И привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит Камень". (Иоанн, 1, 40 -42).

Греко-русская Церковь, как мы видели, притязует на особое покровительство святого Андрея. Блаженный апостол, исполненный доброжелательства к своему брату, привел его к Господу и услышал из божественных уст первое слово о грядущем предназначении Симона быть камнем Церкви. Ни из евангелий, ни из деяний апостольских нельзя усмотреть, чтобы святой Андрей когда-либо позавидовал Петру или когда-либо оспаривал его первенство. Желая с нашей стороны оправдать притязание России быть Церковью святого Андрея, мы постараемся последовать его примеру и проникнуться тем же духом доброжелательства и религиозной солидарности по отношению к великой Церкви, особо связанной со святым Петром. Этот дух, ограждая нас от местного и национального эгоизма - источника стольких заблуждений, - даст нам возможность подчинить учение о камне Церкви самой сущности богочеловеческой истины, дабы из этой последней почерпнуть вечные основы этого Учения.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Камень церкви

Было бы слишком долго рассматривать здесь или даже только перечислять все учения и все теории, касающиеся Церкви и ее строя. Но если по поводу этой основной проблемы положительной религии желаешь узнать истину во всей ее непосредственной простоте, то поражаешься той провиденциальной легкостью, с которой эта истина обретается. Все христиане вполне согласны, между собой, в том, что Церковь была установлена Христом: посмотрим же как и в каких выражениях Он установил ее. Имеется только один и единственный евангельский текст, который прямо, открыто и формально говорит об установлении Церкви. Этот основоположительный текст становится все более и более ярким по мере того, как сама Церковь развивает в росте своем определенные формы своей организации; и в наши дни противники истины обычно не находят ничего лучшего, как урезывать творческое слово Христа с целью приладить его к своей вероисповедной точке зрения¹.

"Придя в страны Кесарии Филипповой, Иисус спрашивал учеников своих: "За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?" Они сказали: "Одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков". Он говорит им: "А вы за кого почитаете Меня?" Симон же Петр, отвечая, сказал: "Ты - Христос, Сын Бога Живого". Тогда Иисус сказал ему в ответ: "Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на

небесах. И я говорю тебе: ты Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах!" (Матф., XVI, 13-19)²

Союз божеского и человеческого, являющийся целью творения, лично (ипостасно) совершился в едином лице Иисуса Христа, "совершенного Человека и совершенного Бога, соединяющего оба естества совершенным образом неслиянно и нераздельно"³. Историческое дело Бога вступает отныне в новую фазу. Теперь уже вопрос не в физическом и личном единстве, но в нравственном и социальном объединении. Богочеловек хочет объединить с Собой в совершенном союзе род человеческий, погрязший в грехе и заблуждениях. Как приступит Он к этому? Обратится ли Он к каждой человеческой душе в отдельности? Ограничится ли Он чисто внутренней и субъективной связью? Он отвечает нет: <... - "создам Церковь Мою". Нам возвещается реальное и объективное дело. Но подчинит ли Он это дело всем естественным разделением рода человеческого? Соединится ли Он с отдельными нациями, как таковыми, дав им независимые, национальные Церкви? Нет, ибо Он не сказал: создам Церкви Мои, но Церковь Мою - <.... Человечество, соединенное с Богом, должно представить одно единое социальное здание, и надо найти прочное основание этому единству.

Всякий действительный союз бывает основан на взаимном воздействии соединяющихся. Акт безусловной истины, открывающийся в Богочеловеке (или совершенном Человеке), должен встретить со стороны несовершенного человечества акт непреложного согласия, связывающего нас с божественным началом. Воплощенный Бог не желает, чтобы его истина была принята рабским и пассивным образом, Он требует от человечества, вручая новый дар свой, акта свободного признания. Но, в то же время, необходимо, чтобы этот свободный акт безусловно пребывал в истине, чтобы он был непогрешимым. Надо, следовательно, утвердить в падшем человечестве неподвижную и непоколебимую точку, на которую зиждительная деятельность Бога могла бы непосредственно опираться, точку, где человеческая самопроизвольность совпадала бы с божественной Истиной в синтетическом акте, чисто человеческом по форме и божественно непогрешимом по существу. При создании физического и индивидуального человечества Христа, акт божественного всемогущества требовал для своей действенности лишь чисто пассивного и рецептивного согласия со стороны женской природы в лице Непорочной Девы: создание общественного или коллективного человечества Христа, его вселенского тела (Церкви) требует одновременно и чего-то меньшего, и чего-то большего. Меньшего - ибо человеческая основа Церкви не нуждается для того, чтобы быть представленной, в безусловно чистом и непорочном лице, так как дело здесь идет не о создании субстанциального и индивидуального отношения или ипостасного и полного соединения обеих природ, но лишь об основании актуального и морального сочетания. Но если эта новая связь (связь между Христом и Церковью) менее глубока и менее тесна, чем упомянутая выше (связь между божественным Словом и человеческой природой в лоне Непорочной Девы), то она зато более положительна - человечески говоря - и более обширна. Более положительна - ибо это новое, сочетание в Духе и Истине требует мужеской воли, идущей навстречу откровению, и мужеского разумения, дающего определенную форму принятой им истине. Эта новая связь более обширна - ибо, представляя конститутивную основу коллективного существа, она не может ограничиваться личным отношением, но должна быть увековечена, как непреходящая общественная функция.

Таким образом, требовалось найти в человечестве, таком, как оно дано, эту точку активного сцепления между божественным и человеческим, чтобы создать основу или краеугольный камень

христианской Церкви. Иисус в своем сверхъестественном предвидении заранее указал этот камень. Но, чтобы указать, что выбор Его не носит ничего произвольного, Он начинает с того, что ищет в другом месте человеческий коррелят откровенной истины. Он обращается сначала ко всеобщей подаче голосов, Он хочет испытать, не может ли Он быть узан, признан, утвержден мнением людской толпы, голосом народа: "За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? За кого принимают Меня люди?" Но истина одна и тождественна, тогда как мнения людей многочисленны и противоречивы. Голос народа, который принято считать голосом Божиим, ответил лишь произвольными и несогласными между собой заблуждениями на вопрос Богочеловека. Нет возможности сочетания между Истиною и заблуждениями; человечество не может вступить в отношения к Богу через всеобщую подачу голосов, Церковь Христа не может быть основана на демократии.

Человеческое утверждение божественной истины не могло быть достигнуто путем всеобщей подачи голосов; и вот Иисус Христос обращается к избранникам Своим, к коллегии апостолов, к этому первоначальному вселенскому собору; "А вы за кого почитаете Меня? Вы за кого Меня принимаете?" Но апостолы молчат. Сейчас, когда дело шло о том, чтобы представить человеческие мнения, все двенадцать заговорили как один: почему же они предоставляют слово одному теперь, когда дело идет об утверждении божественной истины? Быть может, они не вполне сошлись во взглядах между собою? Быть может, Филипп не усматривает ясно существенной связи между Иисусом и Отцом Небесным, быть может, Фома сомневается в мессианском достоинстве своего учителя? Последняя глава Матфея сообщает нам, что даже на горе в Галилее, куда призвал их воскресший Иисус, апостолы не проявили единодушия и твердости в вере: "Некоторые же усомнились". (Матф., XXIII, 17).

Для того, чтобы собор мог единодушно засвидетельствовать истину во всей ее чистоте и простоте, необходимо, чтобы собор пришел к согласию. Решительный акт должен быть актом безусловно индивидуальным, актом одного. Не толпа верующих, не апостольский собор, а Симон бар-Иона один ответил Иисусу. "Симон же Петр, отвечая, сказал: "Ты - Христос, Сын Бога Живого". Он отвечает за всех апостолов, но говорит по Собственному разумению, не советуясь с ними и не ожидая их согласия. Когда апостолы только что повторяли мнения толпы, следовавшей за Иисусом, они повторяли только заблуждения; если бы Симон пожелал выразить лишь мнение самих апостолов, то он, может быть, не достиг бы истины в ее чистоте и простоте. Но он последовал внушению своего духа, голосу своей собственной совести; и Иисус, выразив ему торжественно свое одобрение, объявил, что это движение, несмотря на всю его индивидуальность, исходит, тем не менее, от Отца Небесного, то есть, что это акт человеческий и божественный в одно и то же время, действительное сочетание абсолютного Существа и относительного субъекта.

Твердая точка, несокрушимая скала или камень, на который можно опереть богочеловеческое действие, найден. Один человек, который с помощью Божией отвечает за всех, - вот конститутивное основание Вселенской Церкви. Она зиждется не на невозможном единодушии всех верующих, не на всегда сомнительном соглашении собора, но на реальном и живом единстве князя апостолов. И впоследствии, всякий раз, как вопрос об истине будет поставлен перед христианским человечеством, не всеобщая подача голосов и не совет избранных будут давать на него определенный и решающий ответ. Произвольные мнения людей порождают лишь ереси; а децентрализованная и отданная на произвол светской власти иерархия либо будет уклоняться от какого-либо проявления, либо проявляться в таких соборах, как эфесское

разбойничество. Лишь в единении с тем Камнем, на котором она основана, Церковь может собирать истинные соборы и в подлинных формулах устанавливать истину. То, что мы говорим, не есть только наше личное мнение; это - исторический факт, настолько внушительный, что в торжественные эпохи он был засвидетельствован самим восточным епископатом, как ни ревниво последний относился к преемникам святого Петра. Не только дивный догматический трактат папы святого Льва Великого был признан за творение Петра греческими Отцами четвертого вселенского собора, но к тому же Петру шестой собор отнес и послание папы Агафона (который лично далеко не пользовался тем же авторитетом как Лев). "Глава и князь апостолов, - говорили восточные отцы, - сражался в наших рядах... Мы видели чернила (письма), и Петр говорил через Агафона (<...>)-а.

А если дело обстоит иначе, если в активном проявлении истины Вселенская Церковь может обойтись без Петра, то пусть объяснят нам эту странную, немому восточного епископата - сохранившего, однако, преемство от апостолов - после того, как он отделился от престола святого Петра. Что ж, это чистая случайность? Случайность, упорно продолжающаяся вот уже тысячу лет! Антикатоликам, не желающим видеть, что их партикуляризм отделяет их от вселенской жизни Церкви, мы можем сделать только одно предложение:

пусть, они соберут без участия наместника святого Петра собор, который они сами могли бы признать за вселенский, - и только тогда будет уместно рассмотреть, правы ли они. Везде и всегда, когда Петр молчит, лишь человеческие мнения возвышают свой голос, а апостолы безмолвствуют. Но Иисус Христос не выразил своего одобрения ни смутным и противоречивым чувствам толпы, ни молчанию избранных своих: лишь твердое, решительное и властное слово Симона бар-Ионы удостоилось Его утверждения. Не очевидно ли, что это слово, удовлетворившее Господа, не нуждалось ни в каком человеческом подтверждении? Что оно сохраняло всю свою ценность, *etiam sine consensu Ecclesiae*?⁴ Не после коллективного совещания, а при непосредственной помощи Отца Небесного (как то засвидетельствовано самим Иисусом Христом), Петр формулировал основной догмат нашей религии; и слово его определило веру христиан собственной мощью своей, а не ввиду согласия других - *ex sese, non autem ex consensu Ecclesiae*.

Шаткости мнений слово Петра противопоставляет твердость и единство истинной веры; узости национальных чувств в вопросе о Мессии, проявленной апостолами, оно противопоставляет мессианскую идею в ее безусловной и вселенской форме. Идея Мессии, возрастая на почве национального сознания Израиля, стремится выйти за пределы этой почвы в видениях пророков, восставших после пленения. Но действительный смысл этих видений, исполненных тайн и загадок, разве только в догадках раскрывался самим вдохновенным создателям их. Что же касается общественного мнения евреев, то оно оставалось исключительно националистическим и могло видеть в Христе только великого национального пророка (вроде Илии, Иеремии, Иоанна Крестителя) или, самое большее, всемогущего диктатора, освободителя и вождя избранного народа, какими были Моисей или Давид. Таково было наиболее восторженное мнение, которое народ, следовавший за Иисусом, исповедывал относительно Его личности; и мы знаем, что даже сами избранные Его, вплоть до конца Его земной жизни, разделяли эти народные чувства (Лука, XXIV, 19-21). И только в исповедании Петра мессианская идея освобождается от всякого националистического элемента и впервые облекается в свою окончательную вселенскую форму. "Ты - Христос, Сын Бога Живого". Теперь уже речь идет не о пророке или национальном царе; Мессия уже не второй Моисей или второй Давид. Он носит отныне единственное имя Того, который, хотя и Бог Израиля, но, тем не менее, Бог и всех наций.

Это исповедание Петра, возвышаясь над еврейским национализмом, открыло эру Вселенской Церкви Нового Завета. И это лишний довод в пользу того, что Петр был основанием Христианства, а державная иерархическая власть, которая одна всегда поддерживала вселенский, или международный, характер Церкви, была истинной наследницей Петра и действительной держательницей всех преимуществ, который Христос даровал князю апостолов.

Примечания:

1 Так текст, о котором идет речь, урезан даже в "Православном Катехизисе" Преосвященного Филарета Московского.

2 Заметим, что: 1. Ни арамейское слово "кифа", ни соответствующее греческое "петрос" не употреблялись как собственное имя прежде чем Иисус Христос дал его главе апостолов; 2. На арамейском языке, на котором Христос говорил с апостолами, нет двух различных слов для обозначения "камня" и "скалы", как по-гречески "петрос" и "петра". (Прим. изд.)

3 Формула папы святого Льва Великого и халкидонского собора.

3-а Collectio conciliorum (Mansi), t. XI, col. 658.

4 "Даже и помимо согласия Церкви", формула последнего собора Ватикане.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Примат Святого Петра, как постоянное установление.

Три камня христианства

"И Я говорю тебе; ты Петр" и т. д.

Из трех атрибутов, которые, согласно этому основному тексту, по божественному праву принадлежат князю апостолов (во-первых, призвания быть основой церковного здания чрез непогрешимое исповедание истины; во-вторых, обладания властью ключей и, в-третьих, власти вязать и решить) лишь последний общий у него с остальными апостолами.

Все православные¹ согласны в том, что это апостольское право вязать и решить не было дано двенадцати как частным лицам или в виде личного и временного преимущества, но что оно представляет подлинное начало и источник вечного священнического права, перешедшего от апостолов к их преемникам в иерархическом порядке - епископам и священникам Вселенской Церкви. Но если это так, то и два первые преимущества, связанные еще более торжественным и многозначительным образом и именно со святым Петром, не могут быть частными и случайными правами². Это было бы тем более невозможным, что с первым из этих преимуществ Господь определенно связал бытие и устойчивость своей Церкви в грядущей борьбе против власти зла.

Если право вязать и решить, дарованное апостолам, не простая метафора и не чисто личное и временное свойство, если, напротив, оно есть реальное и живое зерно вселенского и вечного установления, охватывающего все бытие Церкви, как могли бы особые преимущества святого Петра, провозглашенные в столь ясных и торжественных выражениях, как могли бы они быть ничего не доказывающими метафорами или временными и личными привилегиями? Не должны ли также эти преимущества быть связанными с учреждением основным и устойчивым, которого историческая личность Симона бар-Ионы является лишь главным и типическим представителем? Богочеловек не основывал учреждений преходящих. Он видел в своих избранных сквозь их смертную индивидуальность и за пределами таковой непреходящие начала и типы своего дела. То, что Он говорил собору апостолов, относилось ко всему священническому чину, к учащей

Церкви в ее целом. Возвышенные слова, обращенные им к одному Петру, устанавливали в единственном лице этого апостола державную и нераздельную власть Вселенской Церкви на все время ее бытия и на весь ход ее развития в грядущих веках. И если Христос не пожелал связать с общей всем апостолам властью формальное установление своей Церкви и гарантию ее устойчивости (ибо он не сказал собору апостолов: на вас Я создам Церковь Мою), то это очевидно доказывает, что Господь не считал епископский и священнический чин (представленный всей совокупностью апостолов) сам по себе достаточным для образования несокрушимой основы Вселенской Церкви в ее неизбежной борьбе с вратами адовыми. Иисус, основывая свою видимую Церковь, прежде всего думал о предстоящей ей борьбе со злом; и, дабы обеспечить своему делу единство, дающее силу, Он поставил во главе иерархического порядка единственное и центральное учреждение, безусловно неделимое и независимое, обладающее само по себе всей полнотой власти и обетовании: "Ты Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее".

Все соображения в пользу верховной и центральной власти во Вселенской Церкви имели бы весьма мало ценности в наших собственных глазах, если бы это были только рассуждения. Но они опираются на богочеловеческий факт, ясный для всякого верующего христианина, несмотря на все искусственные толкования, которыми пытаются устранить его.

В нашу задачу не входит изложение отвлеченной необходимости учреждения, ставшего чрез Христа живой действительностью.

Когда восточные богословы доказывают нам необходимость иерархического порядка в Церкви вообще, их аргументы не могут представляться нам убедительными помимо первоначального евангельского факта: избрания двенадцати апостолов для научения всех народов до скончания века. Точно так же, когда мы желаем доказать необходимость нераздельного центра самой этой иерархии, твердое основание для всех наших рассуждений, мы имеем в факте особого избрания Петра, имеющего послужить человеческой точкой опоры для божественной истины в ее непрестанной борьбе с вратами адовыми, в факте этого единственного в своем роде избрания, дающего непоколебимую основу для всех наших рассуждений.

Если понимать под Церковью совершенное единение человечества с Богом, безусловное царство любви и истины, то невозможно допустить в Церкви никакой власти и никакого авторитета. Все члены этого Царства Небесного являются священниками и царями, безусловно равными в этом отношении между собой, и один и единственный центр этого единства есть сам Иисус Христос. Но мы не в этом смысле ведем речь о Церкви, ибо не в этом смысле и Христос говорил о ней. Церковь совершенная, Церковь торжествующая, царство славы предполагают, что власть зла и врата адовы окончательно сокрушены, а ведь Христос воздвиг свою видимую Церковь именно для того, чтобы бороться с вратами адовыми, и для этой цели Он и дал ей человеческий и земной центр единства, хотя, конечно, и всегда нуждающийся в помощи Божией.

Если не желаешь впасть в противоположные крайности слепого материализма или бессильного идеализма, то необходимо признать, что нужды действительности и задания идеала согласуются и идут рядом в установленном Богом порядке. Чтобы представить в Церкви идеальное начало человечества и согласия, Иисус Христос установил, как прототип соборного управления, первоначальную коллегия или собор двенадцати апостолов, равных между собой и соединенных братской любовью. Чтобы подобное идеальное единство могло быть осуществлено повсеместно и

во все времена; чтобы собор церковных глав мог всегда и везде торжествовать над распрями и приводить многообразие частных мнений к единообразию общеобязательных постановлений; чтобы препирательства могли окончиться и единство Церкви реально проявиться; чтобы не подвергать это единство случайности человеческих условностей;

чтобы не созидать своей Церкви на зыбком песке, божественный Зодчий возвещает нерушимый Камень, непоколебимую Скалу церковной монархии и устанавливает идеал единодушия, связывая его с реальной и живой властью.

Камень Церкви, говорят нам, - это Христос, - истина, которую ни один христианин никогда не оспаривал. Но весьма неразумным было бы - если только оно искренне - усердие тех, кто для защиты Христа от воображаемого оскорбления, упорствует в непонимании его действительной воли и отрицает порядок, установленный Им с такой очевидностью. Ибо Он не только объявил, что камень Его Церкви есть Симон, один из Его апостолов, но, чтобы с большей силой внедрить нам эту новую истину, чтобы сделать ее более выразительной и более очевидной, Он из этого призвания - быть камнем Церкви - сделал собственное и постоянное имя Симона.

Итак, вот две равно неоспоримых истины: Христос - камень Церкви, и Симон бар-Иона - камень Церкви. Если это противоречие, то оно на этом не останавливается. Ибо мы видим, как этот же Симон-Петр, который один получил от Христа такое исключительное качество, тем не менее, заявляет в одном из своих посланий, что все верующие суть живые камни богочеловеческого здания (Первое послание Петра, II, 4-5). Единственный камень Церкви - Иисус; но если верить Иисусу, камню Его Церкви по преимуществу, то таковым является глава апостолов; а если верить этому последнему, камню Церкви, то таковым является каждый верующий.

Кажущемуся противоречию этих трех истин нам достаточно противопоставить их реальное и логическое примирение. Иисус Христос, единый камень Царства Божия в чисто религиозном или мистическом порядке, полагает князя апостолов и его непреходящую власть как краеугольный камень Церкви в порядке социальном, для христианской общины;

и каждый член этой общины, соединенный со Христом и пребывающий в установленном Им порядке, становится индивидуальным конститутивным элементом, живым камнем этой Церкви, имеющей в Христе свое мистическое и (в данное время) невидимое основание, а в монархической власти Петра свое общественное и видимое основание. Существенное различие этих трех терминов только яснее выделяет их внутреннюю связь в реальном бытии Церкви, для которого необходимы как Христос, так и Петр, так и множество верующих. Чтобы усмотреть в идее этого тройного соотношения какое-либо противоречие, надо сначала самому вложить в нее таковое, придав трем главным терминам безусловный и исключительный смысл, нимало им не присущий.

Действительно, постоянно забывают, что термин "камень" (то есть основание) Церкви есть термин отношения и что Христос может быть камнем Церкви лишь в своем определенном союзе с человечеством, составляющим Церковь; и раз этот союз, в общественном порядке, осуществляется на первом месте некоторой центральной связью, которую Сам Христос отнес ко святому Петру, то очевидно, что эти два камня - Мессия и главный Его апостол - не только не исключают друг друга, но представляют лишь два нераздельных термина одного и того же единого отношения. Что же касается камня или камней третьего порядка - множества верующих,

то, если и сказано, что каждый верный может стать живым камнем Церкви, этим еще не утверждается, чтобы он мог стать таковым сам собою или отделившись от Христа и установленной Им основной власти.

Основа Церкви, если говорить в самых общих выражениях, есть единение божеского и человеческого. Эту основу (камень) мы находим в Иисусе Христе, поскольку Он ипостасно соединяет в Себе божество с непорочной человеческой природой; эту же основу мы обретаем и в каждом истинном христианине, поскольку он соединяется со Христом в таинствах, вере и добрых делах. Но разве не очевидно, что этих двух способов соединения божеского и человеческого (соединения ипостасного в личности Христа и индивидуального соединения верующего со Христом) еще недостаточно, чтобы получилось специфическое единство Церкви в точном смысле этого слова - Церкви как социального и исторического существа? Воплощение Слова есть факт мистический, а не социальный принцип; индивидуальная религиозная жизнь также не может дать достаточной основы христианскому обществу: можно жить свято, оставаясь в уединении пустыни. И если, тем не менее, в Церкви кроме жизни мистической и жизни индивидуальной есть еще и социальная жизнь, то должна же эта социальная жизнь иметь какую-либо определенную форму, основанную на начале единства, ей свойственном. И когда мы говорим, что это специфическое начало социального единства не есть непосредственно ни Иисус Христос, ни масса верующих, но монархическая власть Петра, при посредстве которой Иисус Христос пожелал соединиться с человечеством, как существом социальным и политическим, то наше чувство находит себе подтверждение в том замечательном факте, что свойство быть камнем Церкви удержалось в виде постоянного и собственного имени лишь за князем апостолов, который, таким образом, один лишь есть камень церкви в специальном и точном смысле этого термина - объединяющая основа исторического христианского общества.

Три раза только во всей священной истории (обоих Заветов) Господь Сам давал новое имя человеку. Когда Авраам в беспредельной вере предался живому Богу, Бог, изменив его имя, объявил его отцом всех верующих ("отцом множества"). Когда Иаков в таинственной борьбе противопоставил живому Богу всю энергию человеческого духа, Бог дал ему новое имя, знаменовавшее его, как непосредственного отца этого необычайного и единственного народа, боровшегося и до сих пор еще борющегося со своим Богом. Когда потомок Авраама и Иакова, Симон бар-Иона, соединив в себе мужественную инициативу человеческого духа с непогрешимой помощью Отца Небесного, возвестил богочеловеческую истину, Богочеловек дал ему новое имя и поставил его во главе новых верующих и нового Израиля. Авраам, тип первоначальной теократии, представляет человечество, предающееся иверяющееся Богу; Иаков, тип еврейской национальной теократии, представляет человечество, начинающее противиться Богу; наконец, Симон Петр, тип окончательной вселенской теократии, представляет человечество, идущее навстречу своему Богу, свободно утверждающее Его и связывающее себя с Ним взаимными и нерасторжимыми узами. Безграничная вера в Бога, сделавшая из Авраама отца всех верующих, соединилась в Петре с деятельным утверждением человеческой силы, отличавшим Иакова-Израиля; князь апостолов отразил в земном зеркале своего духа эту гармонию божеского и человеческого, безусловное совершенство которой он видел в своем учителе; и тем самым он стал первородным и наследником по преимуществу Богочеловека, духовным отцом нового поколения христианского, краеугольным камнем Вселенской Церкви, которая есть исполнение и завершение религии Авраама и теократии Израиля.

Примечания:

1 И среди неправославных все добросовестные писатели, как, например, выдающийся еврейский мыслитель Иосиф Сальвадор в своей книге "Иисус Христос и его дело".

2 Этот вывод в полной мере допускает и замечательный еврейский писатель, о котором мы только что говорили. Он видит в примате Петра завершение церковного здания в том виде, как оно было указано и основано самим Христом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Петр и Сатана

Не в качестве апостола пришлось Симону переменить свое имя. Это изменение, заранее возвещенное, произошло не во время избрания и торжественного отправления двенадцати апостолов. И эти последние, за исключением одного Симона, сохранили в апостольстве свои прежние имена; никто из них не получил от Господа нового и постоянного наименования, имеющего какое-либо общее и высокое значение¹.

За исключением Симона, все остальные апостолы различались между собой лишь природными своими характерами, индивидуальными своими качествами и личной судьбой, а также различиями или оттенками личного чувства, которое мог питать к ним их учитель. В противоположность этому, новое и многозначительное имя, полученное одним только Симоном, помимо общего апостольского призвания, не указывает ни на какую-либо черту в его природном характере, ни на личное расположение Господа к нему, но связано исключительно с той совершенно особой ролью, которую сыну Ионы суждено было исполнять в Церкви Христа. Ему не было сказано: Ты - Петр, потому что я предпочитаю тебя Другим или потому что у тебя от природы твердый и сильный характер (что, впрочем, и не совсем было бы согласно с истиной), но: "Ты - Петр, и на этом камне я создам Церковь Мою".

Исповедание Петра, добровольным и непогрешимым согласием связывавшее человечество со Христом и основывавшее свободную Церковь Нового Завета, не было простым проявлением его обычного характера, а не могло быть поэтому и случайным и преходящим порывом его души. Разве можно допустить, в самом деле, чтобы за такой порыв, за такую минуту энтузиазма не только было изменено имя Симона, как некогда Авраама и Иакова, но чтобы даже такое изменение было предсказано заранее, как имеющее последовать неминуемо, при чем это обстоятельство предугаживало бы этому событию определенное место в предначертаниях Господа? А есть ли что-либо более важное в мессианском деле, чем основание Вселенской Церкви, определенно связанное с Симоном, обращенным в Петра? Предположение, что первое догматическое деяние святого Петра проистекало лишь из его чисто человеческой и частной личности, безусловно опровергается, впрочем, прямым и ясным свидетельством Христа: "Не плоть и кровь открыла тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах". Таким образом, это исповедание Петра есть некоторый акт *sui generis* - акт, чрез который нравственное существо апостола вступило в особое сношение с Божеством; и, благодаря этому сношению, человеческое слово могло непогрешимо выразить безусловную истину Слова и положить нерушимое основание Вселенской Церкви. И, как бы для того, чтобы устранить всякое сомнение по этому поводу, боговдохновенный рассказ Евангелия немедленно рисует нам этого же самого Симона, некогда объявленного Иисусом камнем Церкви и ключарем Царства Небесного, предоставленным своим собственным силам и говорящим, - впрочем с самыми лучшими намерениями, но без божественной помощи - в духе своей природной и частной личности. "С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и

первосвященников и книжников, и быть убиту и в третий день воскреснуть. И отозвав Его, Петр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи, да не будет этого с Тобою! - Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана, ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое". (Матфей, XVI, 21-23).

Ну что ж, станем мы, вместе с нашими греко-русскими полемистами, противопоставлять этот текст предшествующему, с целью опровергать слова Христа Его же словами? Будем мы считать, что воплощенная истина могла столь быстро изменить свой взгляд и внезапно отвергнуть то, что она только что высказала? И, с другой стороны, как примирить "Блаженного" с "Сатаной"? Как допустить, что "камень преткновения" для Самого Господа может быть в то же время и камнем Его Церкви, несокрушимым для врат адových. Что тот, кто помышляет лишь о земных вещах, может получать откровения от Отца Небесного, что ему могут быть вручены ключи Царства Божия?

Есть только один способ согласить эти тексты, которые боговдохновенный евангелист недаром поставил рядом. Симон Петр, как верховный пастырь и учитель Вселенской Церкви, поддерживаемый Богом и говорящий за всех, есть верный свидетель и непогрешимый толкователь богочеловеческой истины; в этом своем качестве он - несокрушимая основа дома Божия и ключарь Царства Небесного. Тот же Петр, как частное лицо, говорящее и действующее в меру своих природных сил и своего чисто человеческого понимания, может говорить и делать вещи недостойные, соблазнительные и даже сатанинские. Но личные недостатки и грехи суть нечто преходящее, тогда как социальная функция церковного монарха есть нечто пребывающее. "Сатана" и "соблазн" исчезли, но Петр остался.

Примечания:

1 Я не говорю о прозвищах и случайных и неустойчивых эпитетах, вроде Воанергес, приданного Иоанну и Иакову.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Церковь как вселенское общество. Начало любви

Бытие всякого человеческого общества определяется идеями и учреждениями, а посему общественное благосостояние и прогресс зависят главным образом от истинности идей, господствующих в обществе, и доброго порядка, царствующего в управлении им. Церковь, как общество, возникшее и утвержденное непосредственным изволением Бога, должна обладать этими двумя качествами в высокой степени; религиозные идеи, исповедуемые ею, должны быть непогрешимо истинными; а ее строй должен соединять с величайшей устойчивостью и величайшую способность действия в заданном направлении.

Церковь прежде всего есть общество, основанное на истине. Коренной истиной Церкви является единство божеского и человеческого, Слово, ставшее плотью, Сын Человеческий, признанный за Христа, Сына Бога Живого. С чисто объективной точки зрения, камень Церкви, таким образом, сам Христос, воплощенная истина. Но, чтобы быть действительно основанной на истине, Церковь, как общество человеческое, должна быть соединена с этой истинной каким-либо определенным образом.

Так как истина не имеет непосредственно явного и внешним образом обязательного бытия в этом мире призраков, то человек может соединиться с нею лишь верой, связывающей нас с внутренней

сущностью вещей и являющей нашему духу все, что внешним образом не видимо. Поэтому с субъективной точки зрения можно утверждать, что именно вера представляет основание, или "камень", Церкви. Но какая вера? Чья вера? Простого факта субъективной веры того или другого лица недостаточно. Самая сильная и самая искренняя личная вера может поставить нас в отношения не только к невидимой сущности истины и верховного Блага, но и к невидимой сущности зла и лжи, что в достаточной мере доказано историей религий. Чтобы быть действительно связанным верою с желаемым объектом - безусловной истиной, надо быть самому сообразным этой истине.

Истина Богочеловека, то есть совершенное и живое единство безусловного и относительного, бесконечного и конечного, Творца и творения, - эта истина по преимуществу не может ограничиваться историческим фактом, но открывает, чрез посредство этого факта, вселенское начало, заключающее все сокровища премудрости и обнимающее все в своем единстве.

Объективная истина веры имеет вселенский характер, и истинный субъект веры должен быть сообразен своему объекту: а посему субъект истинной религии необходимо должен быть вселенским. Истинная вера не может быть уделом индивидуального человека в его обособленности, но лишь всего человечества в его единстве; индивид может быть участником ее, лишь как живой член вселенского тела. Но так как реальное и живое единство человеческого рода не дано непосредственно в порядке физическом, то оно должно быть создано в порядке моральном. Грани конечной индивидуальности, самоутверждающейся в своей исключительности, грани природного эгоизма, должны быть разбиты любовью, дабы человек мог стать сообразным Богу, который есть любовь. Но эта любовь, имеющая преобразить враждующие части человеческого рода в реальное и живое единство - Вселенскую Церковь, эта любовь не может быть смутным, чисто субъективным и бессильным чувством, она должна найти свое выражение в некотором постоянном и определенном Действии, дающем внутреннему чувству объективную реальность. Какой же реальный объект дан этой Деятельной любви? Природная любовь, имея объектом наиболее близкие к нам существа, создает реальное коллективное единство - семью; природная любовь в более широком смысле, имеющая своим объектом всех людей, живущих в определенной стране и связанных общностью языка, создает более обширное и более сложное, но все же реальное, коллективное единство - город, Государство, нацию¹. Любовь, имеющая создать религиозное единство человеческого рода, или Вселенскую Церковь, должна выйти за пределы национальности и иметь своим объектом всю совокупность человеческих существ. Но активное отношение между человеческим родом в его целом и индивидом не находит в этом последнем основы в виде природного чувства, аналогичного чувству, вызываемому семейством или родиной, почему это отношение и сводится по необходимости (для отдельного субъекта) к чисто моральной сущности любви, то есть к свободному и сознательному отказу от собственной воли, от личного, семейного и национального эгоизма. Любовь к семейству и любовь к нации суть, главным образом, природные факты, которые могут косвенно быть причиной и моральных актов; любовь к Церкви по существу акт моральный - акт подчинения частной воли воле вселенской. Но, чтобы вселенская воля не была фикцией, необходимо, чтобы она всегда реализовывалась в определенном существе. Раз воля всех не представляет реального единства, ибо все не находится в непосредственной согласии друг с другом, то необходимо средство для соглашения их, то есть единичная воля, которая могла бы объединить все остальные. Необходимо, чтобы каждый имел возможность действительно объединиться со всей совокупностью человеческого рода (проявить положительным образом свою любовь к Церкви), связав свою волю с некоторой единичной волей, не менее реальной и живой, чем его собственная, но в то же время вселенской и которой

равно должны быть подчинены и все остальные воли. Но нельзя допустить воли без вопящего и проявляющего свое изволение; и до тех пор, пока все не объединены в непосредственном единстве, мы поставлены в необходимость искать этого объединения со всеми в лице одного, дабы иметь возможность быть участниками в истинной вселенской вере.

Раз каждый человек в отдельности, а равно и все человечество в его природном состоянии разделения, не могут стать действительными субъектами вселенской веры, то необходимо, чтобы эта вера нашла свое проявление в одном лице, представляющем единство всех. Всякий, приемлющий эту истинно вселенскую веру за правило своей собственной веры, совершает тем самым реальный акт подчинения или любви к Церкви, - акт, делающий его сообразным вселенской истине, открытой этой Церкви. Любя всех в одном (раз их иначе любить нельзя), каждый участвует в вере всех, определяемой божественно вспомоществуемой верою одного; и эта пребывающая связь, это столь широкое и, тем не менее, столь прочное, столь живое и, тем не менее, столь устойчивое единство делает Вселенскую Церковь коллективным моральным существом, действительным обществом, значительно более обширным и более сложным, чем нация или Государство, но не менее реальным. Любовь к Церкви проявляется постоянным и действенным согласием с ее волей и ее живой мыслью, явно представленными в актах верховного церковного главы. Эта любовь, которая в своем начале есть лишь акт чистой морали, исполнение принципиального Долга (послушание категорическому императиву по кантианской терминологии), может и должна стать источником чувств и привязанностей, не менее могущественных, чем сыновья любовь или патриотизм. Те, кто, желая основать Церковь на любви, видят в то же время вселенское церковное единство лишь в предании, кристаллизованном и уже одиннадцать веков как лишенном всех средств для своего действительного утверждения и реального проявления, должны были бы принять в соображение, что невозможно любить живой и деятельной любовью археологическое воспоминание, отдаленный факт, который, как семь вселенских соборов, безусловно неизвестен массам и ясен только для ученых. Любовь к Церкви имеет реальный смысл лишь в тех, кто продолжает признавать живого представителя Церкви, общего отца всех верующих, могущего быть предметом любви в том же смысле, как отец в своей семье или глава Государства в монархической стране.

Формальный характер истины состоит в приведении к гармоническому единству многообразных начал действительности. Этот характер присущ и истине по преимуществу, истине Богочеловека, в своем безусловном единстве объемлющего всю полноту божеской и человеческой жизни. Христу, существу единому, центру всех существ, должна соответствовать Церковь - совокупность отдельных единиц, стремящаяся к совершенному единству. И доколе это внутреннее и совершенное единство всех не будет осуществлено, доколе вера каждого еще не есть, как таковая, вера всех, - доколе единство всех не выявлено непосредственно каждым, оно должно быть осуществляемо чрез посредство одного.

Вселенская истина, в совершенстве осуществленная в одном (Христе), влечет к себе веру всех, непогрешимо определяемую голосом одного (папы). Вне этого единства, как мы уже видели, мнение множества может быть ошибочным, и даже вера избранных может оставаться смутной. Но не ложное мнение и не колеблющаяся вера, а вера непогрешимая и определенная, связующая род человеческий с божественной истиной, составляет непоколебимую основу Вселенской Церкви. Эта основа есть вера Петра, живущего в своих преемниках, - вера, являющаяся личной, дабы проявиться людям, и (при божественной помощи) сверхчеловеческой, дабы быть непогрешимой. И - мы не перестанем повторять этого - если думают, что этот пребывающий центр

единства не нужен, то пусть попытаются проявить помимо него живое единство Вселенской Церкви, пусть попробуют без него совершить какой-либо церковный акт, в котором было бы заинтересовано все христианство, пусть попробуют дать решительный и властный ответ на один из вопросов, разъединяющих христианские совести. Но мы отлично видим, как теперешние преемники апостолов в Константинополе и Петербурге подражают молчанию самих апостолов в Кесарии Филипповой...

Подведем в немногих словах итоги предшествовавшим соображениям. Вселенская Церковь основана на истине, утверждаемой верою. Истина едина, а следовательно, и истинная вера должна быть единой. И раз это единство веры не дано действительно и непосредственно в совокупности верующих (ибо нет единодушия всех в делах веры), то оно должно пребывать в законной власти единого главы, поручкой которой служит божественная помощь и которая приемлется любовью и доверием всех верующих. Вот тот камень, на котором Христос воздвиг свою Церковь, а врата ада не одолеют ее.

Примечания:

1 Проживание в какой-либо стране и тождество языка сами по себе еще недостаточны для создания единства родины; оно невозможно без патриотизма, то есть без некоторой специфической любви.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ключи царства

Как бы не желая оставить возможности каких-либо сомнений относительно смысла и значения своих слов о камне Церкви, Иисус дополняет их, явно вручая власть ключей, верховное управление своим Царством, основной власти Церкви, установленной в лице Симона Петра. "И дам тебе ключи Царства Небесного". Здесь прежде всего необходимо устранить несообразность, которую наши православные полемисты приписывают Иисусу Христу. Чтобы по возможности стереть разницу между Петром и остальными апостолами, утверждают, что власть ключей есть не что иное, как власть вязать и решить. Сказав однажды "Я дам тебе ключи", Иисус повторил будто бы впоследствии то же обещание в других выражениях. Но когда ведут речь о ключах, то говорят отворять и затворять, а не вязать и решить, как мы действительно и читаем в Апокалипсисе (чтобы ограничиться одним Новым Заветом): <... (Имеющий ключ Давидов, который отворяет, и никто не затворит; затворяет и никто не отворит. Апок., III, 7.) Можно отворить и затворить комнату, дом, город, но вязать и решить можно лишь отдельные существа и вещи, находящиеся в комнате, в доме, в городе. Обсуждаемый нами евангельский текст представляет метафору, но метафора не есть необходимо нелепость. Образ ключей Царства (местопребывания Царя - бэтга-мелек) по необходимости должен представлять власть более обширную и общую, чем выраженная в образном выражении "вязать и решить".

Специальная власть вязать и решить была дана Петру в тех же выражениях, в каких она была впоследствии дарована и остальным апостолам (Матфей, XVIII, 18), и легко усмотреть из контекста этой последней главы, что это низшая власть имеет отношение лишь к индивидуальным случаям ("если брат твой согрешит против тебя", и т. д.), что вполне соответствует смыслу метафоры, употребленной в Евангелии. Лишь вопросы личной совести и судьбы отдельных душ подлежат власти вязать и решить, данной и остальным апостолам вслед за Петром. Что же касается власти ключей Царства, дарованной единственно Петру, то она может (по точному смыслу нашего текста,

равно как и по библейской аналогии) относиться лишь ко всей совокупности Церкви, знаменующая верховную общественную и политическую власть, общее управление Царством Божиим на земле. Не следует ни отделять жизнь христианской души от устройства Вселенской Церкви, ни смешивать ее с этим устройством. Здесь мы имеем два различных, хотя и тесно связанных между собой порядка вещей. Как учение Церкви не есть простая совокупность личных верований, так и управление Церковью не может быть сведено к водительству отдельных совестей и частной нравственной жизни. Основанная на единстве веры, Вселенская Церковь, как реальное и живое общественное тело, должна проявлять еще и единство действия, достаточное, чтобы с успехом противоборствовать в каждый данный момент ее исторического существования совокупному напору враждебных сил, стремящихся разрушить ее, внося в нее разделение. Единство действия предполагает для обширного и сложного социального тела целую систему органических функций, подчиненных общему центру, который мог бы в каждую данную минуту придать им желательное направление. Как единство правой веры имеет свою окончательную гарантию в догматическом авторитете одного, говорящего за всех, так единство церковного действия необходимо обусловлено руководящей властью одного, простирающейся на всю Церковь. Но в Церкви единой и святой, основанной на истине, управление не может быть отделяемо от учения; и центральная, и верховная власть в порядке церковном может принадлежать лишь тому, кто, властью божественно вспомоществуемой, представляет и являет, в порядке религиозном, единство истинной веры. Вот почему ключи Царства были даны лишь тому, кто, в силу веры своей, является Камнем Церкви.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Управление Вселенской Церковью. Центр единства.

Церковь представляет собою не только совершенное единение людей с Богом во Христе; она, кроме того, еще и общественный порядок, установленный верховной волей для осуществления в нем и через него этого богочеловеческого союза. Основанная на вечной истине. Церковь не только совершенство жизни - в будущем; она была также в прошедшем и есть еще в настоящем пути, ведущий к этому идеальному совершенству. Социальное бытие человечества на земле не может оставаться вне нового союза двух начал, божеского и человеческого, осуществленного во Христе. Если даже стихии нашей материальной жизни преобразены и освящены в таинствах, как возможно, чтобы социальный и политический порядок, представляющий существенную форму жизни человечества, был брошен беззащитным в борьбе эгоистических интересов, оставлен на произвол губительных страстей среди сутолоки обманчивых мнений? Человек по необходимости существо общественное, и окончательная цель божественного воздействия в человечестве есть создание совершенного вселенского общества. Но это не есть создание ex nihilo. Материал для совершенного общества дан, это - общество несовершенное, человечество в его настоящем виде. Оно не исключено и не упразднено Царством Божиим, напротив, оно вовлечено в сферу этого Царства, чтобы быть возрожденным, освященным, преобразенным. Для того, чтобы связать со Христом индивидуальное существо человека, религия не довольствуется невидимым и чисто духовным общением, она хочет, чтобы человек приобщался своему Богу всей полнотой своего бытия, даже через физиологический акт питания. В этом мистическом, но реальном приобщении материя таинства не просто разрушается и уничтожается, но пресуществляется, то есть внутренняя и невидимая сущность хлеба и вина возносится в сферу обожествленной телесности Христа и поглощается ею, тогда как феноменальная действительность или внешняя видимость этих

предметов не испытывает никакого осязаемого изменения, дабы сохранить возможность действия в данных условиях нашего физического бытия, связывая это последнее с телом Бога. Равным образом, раз дело идет о коллективной и общественной жизни человечества, эта последняя также должна быть мистически пресуществлена, сохраняя виды или внешние формы земного общества: сами эти формы, установленные и освященные определенным образом, должны послужить реальными основами и видимыми орудиями для социального действия Христа в Его Церкви.

С христианской точки зрения дело Бога в человечестве имеет своей конечной целью не проявление божественного могущества (идея мусульманская), но свободный и взаимный союз людей с Богом. И для осуществления этого дела соответствующим средством служит не тайное действие Провидения, ведущего индивиды и народы по неведомым путям к непонятным им целям. Это действие, безусловно и исключительно сверхчеловеческое, всегда необходимо, но в отдельности недостаточно. Человечество, в особенности с тех пор как во Христе явлено реальное и историческое единение божеского и человеческого, должно само принимать положительное участие в своих судьбах, должно социально приобщаться Христу. Но если смертные люди здесь на земле должны реально и действенно принимать участие в невидимом и сверхъестественном управлении Христа, то само управление это необходимо должно быть облечено в явные, и естественные социальные виды. Чтобы проявлять свое действие в несовершенном человечестве и совокупно с ним, совершенство божественной благодати и истины в Иисусе Христе должно быть представлено и иметь своим орудием социальное учреждение, - божественное по своему происхождению, своей цели и своей власти и человеческое по своим средствам действия, приспособленным ко всем требованиям исторической жизни.

Чтобы вести общественную жизнь всего человечества к цели божественной любви и определять общественное мнение в желательном для божественной истины направлении, необходимо, чтобы в Церкви было облеченное божественным авторитетом вселенское управление. Это управление должно быть определенным и явным, чтобы все могли знать о нем и оно должно быть постоянным и пребывающим, чтобы можно было во всякое время обратиться к нему; оно должно быть божественным в своей сущности, чтобы быть безусловно признанным религиозной совестью всякого в достаточной мере осведомленного и благонамеренного человека, и оно должно быть несовершенным и человеческим в своем историческом проявлении, чтобы сделать возможным моральное сопротивление, чтобы оставить место сомнениям, борьбе, искушениям, всему, что составляет достоинство свободной и поистине человеческой добродетели.

Чтобы положить первую основу единения между общественной совестью человечества и провиденциальным управлением Бога, чтобы быть причастным божественному Величию и в то же время быть приспособленным к человеческой действительности, верховная власть Церкви должна, оставляя простор различным формам правления, меняющимся сообразно времени и месту, всегда сохранять, как центр единства, свой чисто монархический характер. Если бы Вселенская Церковь имела исключительно коллективное управление, если бы ее верховная власть была представлена одним только собором, единство ее человеческого действия (связывающее ее с безусловным единством божественной истины) могло бы иметь лишь две основы: или единодушное и совершенное согласие всех ее членов, или голосование по большинству, как это имеет место в светских собраниях. Это последнее предположение несовместимо с величием Бога, принуждаемого в таком случае приспособлять всякий раз свою волю и свою истину к случайным группировкам мнений и произволу человеческих страстей. Что же касается до единодушия и полного и постоянного согласия, то такое состояние общественной

совести могло бы конечно, в виду своего внутреннего морального величия, соответствовать божественному совершенству и непогрешимо являть действие Бога в человечестве. Но если политический принцип большинства голосов ниже божественного достоинства, то идеальный принцип непосредственного, свободного и постоянного единодушия, к несчастью, слишком высок для современного состояния человечества. Это совершенное единство, которое Иисус Христос в своей первосвященнической молитве открыл нам, как конечную цель своего дела, не может предполагаться, как реальная и явная основа этого дела. Вернейшее средство никогда не достигнуть желаемого совершенства, это вообразить себе, что оно уже достигнуто. Единодушие и сознательная солидарность, братская любовь и свободное согласие, это - идеал Церкви - идеал, признаваемый всеми.

Но разница между пустым мечтанием и божественным идеалом единства в том, что последний имеет реальную точку (<...) социальной механики, с помощью которой он может мало-помалу завоевать себе место на земле и восторжествовать постепенно и последовательно над всеми силами раздора. Реальное и нераздельное начало единства безусловно необходимо для борьбы с глубокой и упорной склонностью к разделению в мире и в самой Церкви. До тех пор пока религиозное единство - единство благодати и истины - не станет в каждом верующем самой сущностью его жизни и совершенными и нерасторжимыми узами, связывающими его со всем существом его ближнего, до тех пор начало этого вселенского единства должно существовать объективно и действовать на всех под "видами" явной и определенной общественной власти.

Единая и Вселенская Церковь совершенна согласиём и единодушием всех своих членов, но, дабы она могла быть среди наличного раздора, ей необходима объединяющая и примиряющая власть, недоступная этому раздору и постоянно противоборствующая ему, власть, стоящая выше всех разделений, собирающая вокруг себя всех людей доброй воли, обличающая и осуждающая все, что противно Царству Божию на земле. Тот, кто желает наступления этого Царства, должен неизбежно возжелать и единственного пути, который ведет к нему человечество в его целом. Между ненавистной действительностью раздора, царствующего в этом мире, и желанным единством совершенной любви, в ней же царствует Бог, лежит необходимый путь законного и властного единства, связывающего человеческий факт с божественным правом.

Совершенный круг Вселенской Церкви нуждается в едином центре не для того, чтобы быть совершенным, но чтобы быть. Земная Церковь, призванная объять множество наций, должна была, чтобы остаться действительным обществом, противопоставить всем национальным разделениям определенную всемирную власть; земная Церковь, принужденная вступить в поток истории и испытать во внешних формах своего существования и в своих отношениях к окружающему ряд изменений и превращений, нуждается, для ограждения своего тождества, во власти, по существу своему консервативной и, тем не менее, деятельной, неизменной в своей сути и гибкой по своим формам; наконец, земная Церковь, предназначенная действовать и утверждаться против сил зла среди немощного человечества, должна была получить безусловно твердую и неотвержимую точку опоры, более мощную, чем врата ада. Но мы знаем, с одной стороны, что Христос предвидел эту необходимость церковной монархии, вручив одному верховную и неделимую власть в своей Церкви, а с другой стороны, мы видим, что из всех церковных властей христианского мира есть только одна и единственная, всегда и неизменно сохраняющая свой центральный и вселенский характер и в то же время, по древнему и всеобщему преданию, существенно связанная с тем, кому Христос сказал. Ты - Петр и на этом камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. Слово Христа не могло остаться

бездейственным в истории христианства, и главнейшее явление этой истории должно, было иметь достаточное основание в слове Божиим. Пусть же укажут нам какое-либо другое следствие, вызванное словами Христа, обращенными к Петру, кроме престола Петра, и пусть найдут нам для этого престола достаточную причину помимо обещания, данного Петру.

Живые истины религии не могут быть представлены рассудку каждого человека с необходимостью геометрических теорем. Впрочем, было бы заблуждением предполагать, что сами математические истины принимаются единодушно всеми исключительно в виду их внутренней очевидности: они признаются с общего согласия потому, что никто не заинтересован в их опровержении. Я не имею наивной претензии убедить умы, для которых есть более могущественные интересы, чем искание религиозной истины. Излагая общие доводы в пользу непреходящего первенства Петра, как основы Вселенской Церкви, я хотел лишь помочь мысленной работе тех, кто противится этой истине не под влиянием интересов и страстей, но лишь в виду бессознательных ошибок и наследственных предрассудков. Продолжая эту задачу, я должен теперь, не отводя очей от светозарного маяка библейского слова, вступить на время в темную и изменчивую область всемирной истории.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Царства Данила. "Roma" и "Amor"

Историческая жизнь человечества началась вавилонским смещением (Быт., XI), она закончится совершенным согласием Нового Иерусалима (Апок., XXI). Между этими двумя крайними пределами, занесенными в первую и последнюю книгу Писания, протекает процесс всемирной истории, символический образ которой дан нам в священной книге, которую можно рассматривать как переход от Ветхого к Новому Завету, - в книге пророка Даниила (Дан., П, 31-36).

Земное человечество не есть и не будет никогда миром чистых духов, а посему оно нуждается для выявления и развития единства своей внутренней жизни, во внешнем социальном организме, все более и более централизованном, по мере того как он становится более обширным и более дифференцированным. Как жизнь индивидуального человеческого духа проявляется при посредстве организованного человеческого тела, так и коллективный дух возрожденного человечества - невидимая Церковь - требует видимой социальной организации, образа и орудия своего единства. С этой точки зрения история человечества представляется нам последовательным образованием вселенского социального существа или Церкви единой и кафолической, в широком смысле этого слова. Дело это по необходимости распадается на две главные части: во-первых, на внешнее объединение исторических наций или образование вселенского тела человечества более или менее бессознательной работой земных сил при невидимом и косвенном воздействии Провидения, и, во-вторых, на одухотворение этого тела могучим дыханием Богочеловека и последующее развитие его при совокупном действии божественной благодати и более или менее сознательных человеческих сил. Другими словами, мы имеем здесь, с одной стороны, образование природной всемирной монархии и, с другой стороны, образование и развитие монархии духовной, или Вселенской Церкви, на основе и в рамках соответствующей природной организации. Первая часть этого великого дела представляет по существу древнюю или языческую историю; вторая определяет, главным образом, новую или христианскую историю. Связующим звеном является история израильского народа, под особым

водительством живого Бога, приуготовившего органическую и национальную среду для появления Богочеловека, который есть духовное начало единства для вселенского тела и безусловный центр истории.

В то время как священный народ приуготовлял природную телесность индивидуального Богочеловека, народы мира сего вырабатывали социальное тело коллективного Богочеловека, Вселенской Церкви. Так как это дело язычества совершалось чисто человеческими усилиями, лишь косвенно и невидимо направляемыми божественным Провидением, то по необходимости оно двигалось вперед через ряд попыток и отдельных опытов. До возникновения действительно всемирной монархии, мы видим образование отдельных национальных монархий, притязующих на всемирность, но бессильных достигнуть таковой.

После ассиро-вавилонской монархии, этой золотой головы наиболее чистого и наиболее централизованного деспотизма, выступает мидо-персидская монархия - серебряные грудь и руки, символизирующие менее централизованную деспотическую власть, но зато и значительно более обширную, охватывающую в своих объятиях всю историческую сцену тех времен от Греции, с одной стороны, до Инда с другой. Затем идет македонская монархия Александра Великого - это медное чрево, пожравшее Элладу и Восток. Но, несмотря на свое изобилие в области умственной и эстетической культуры, эллинизм оказался бессильным в практическом действии, неспособным создать политические рамки и центр единства для всего множества захваченных им нации. В области управления он без всякого существенного изменения усвоил себе абсолютизм национальных деспотов, встреченный им на Востоке; и запечатлев покоренный им мир единством своей культуры, он все же не мог помешать ему разделиться на два больших национальных Государства, наполовину эллинизированных, греко-египетское царство Птолемея и греко-сирийское царство Селевкидов. То в ожесточенной войне, то в непрочном союзе при посредстве династических браков, эти два царства находят себе подходящий образ в двух ногах истукана, где железо первобытного деспотизма смешано с размягченной глиной вырождающейся культуры. Так языческий мир, разделенный между двумя соперничающими могуществами с двумя политическими и умственными центрами - Александрией и Антиохией - не представляет достаточной исторической основы для христианского единства. Но был камень - *Capitoli immobile saxum* - городок Италии, начало которого обвито было таинственными сказаниями и многозначительными знаменами и даже истинное имя которого было неизвестно. Этот камень, брошенный Промыслом Божиим в историю, ударил по глиняным ногам греко-варварского мира Востока, повалил и стер в прах бессильный истукан и стал великою горою. Языческий мир обрел действительный центр единства. Возникла поистине интернациональная и всемирная монархия, объемлющая Восток и Запад. Она не только занимала гораздо большее пространство, чем самая обширная из национальных монархий, она не только содержала гораздо больше разнородных элементов (национальных и культурных), но, главное, являя собой могуче централизованную силу, она претворяла эти разнообразие элементы в одно реальное и действенное целое. Из уродливого и призрачного сцепления разнородных элементов человечество превратилось в однородное и организованное тело - Римскую Империю - с живым и личным центром - Кесарем Августом, носителем и представителем объединенной воли всего человеческого рода.

Но что такое Кесарь и как достиг он того, что стал представлять собой живой центр человечества? На чем основана его власть? Долгий и мучительный опыт убедил народы Востока и Запада, что разделение и непрестанная борьба суть зло и что центр единства необходим для умиротворения человечества. Это смутное, но весьма реальное стремление к умиротворению и единству бросило

языческий мир к ногам авантюриста, с успехом заменившего верования и принципы оружием легионов и личной своей смелостью. Единство Империи опиралось, таким образом, исключительно на силу и удачу. Если первый из Кесарей, казалось, заслужил свое счастье личным гением, если второй оправдал его в известной мере своим рассчитанным благочестием и своей осторожной умеренностью, то третий был чудовищем и имел преемниками идиотов и безумцев. Всемирное Государство, которое должно было быть воплощением самого социального Разума, нашло свое осуществление в безусловно иррациональном факте, нелепость которого была подчеркнута богохульством императорского апофеоза.

Божественное Слово, индивидуально связанное с человеческой природой и возжелавшее социально связать с Собою коллективное существо человечества, не могло принять за точку отправления этого единства ни раздор анархической толпы, ни произвол тирании. Оно могло связать себя с человеческим обществом лишь посредством власти, основанной на Истине. В социальной области дело на первом месте и непосредственно не идет о личных добродетелях и пороках. Если мы считаем императорскую власть языческого Рима дурной и ложной, то основанием к тому служат не одни только злодеяния и безумства Тивериев и Неронов, а, главным образом, то обстоятельство, что сама императорская власть, будь она представлена Калигулой или Антонином, опиралась на насилие и увенчивалась ложью. Реальный император - создание прихоти легионеров и преторианцев - поддерживался лишь слепой и грубой силой, император идеальный - император апофеоза - был нечестивой фикцией.

Ложному человекобугу политической монархии истинный Богочеловек противопоставил духовную власть церковной монархии, основанную на Любви и Истине. Всемирная монархия и интернациональное единство должны были остаться; центр единства должен был пребывать на том же месте. Но сама центральная власть, ее характер, ее происхождение, ее санкция, должны были быть обновлены.

У самих римлян было смутное предчувствие этого таинственного превращения. Если обычное имя Рима обозначало по-гречески силу и если один из поэтов Эллады в эпоху ее упадка приветствовал новых властителей в этом смысле словами. <... - то граждане Вечного Города, читая его имя на семитический лад, думали найти этим путем истинное его значение. Апог; и древнее сказание, обновленное Виргилием, тесным образом связывало римский народ и династию Цезаря с матерью Любви, а через нее с верховным Богом. Но их любовь была служительницей смерти, и их верховный Бог был отцеубийцей. Благочестие римлян, которым они особенно славились, эта основа их величия, было чувством правильным, но отнесенным к ложным началам. Все дело было именно в изменении этих начал. Предстояло явить истинный Рим, основанный на истинной религии. Нужно было, заменив бесконечные триады богов отцеубийц единой божественной единосущной и нераздельной Троицей, дать как основу всемирному обществу вместо империи Силы Церковь Любви. И разве делом чистого случая было, что, желая провозвестить истинно всемирную монархию свою, основанную не на рабьем подчинении подданных и произволе смертного владыки, но на свободном согласии веры и любви в человеке с Истиной и Благодатью Божией, Иисус Христос выбрал для этого именно ту минуту, когда Он пришел с учениками своими к пределам Кесарии Филипповой - этого города, посвященного одним из рабов Кесаря гению своего владыки? И затем разве делом чистого случая, что Иисус, желая дать последнюю санкцию своему основоположительному делу, выбрал для этого окрестности Тивериады и, пред лицом памятников, вещавших о тогдашнем владыке ложного Рима, посвятил будущего владыку

истинного Рима, указав ему мистическое имя Вечного Города и верховное начало Своего нового Царства:

Симон, бар-Иона, любишь ли ты Меня больше, нежели они?

Но почему истинная любовь, которая не знает зависти и единство которой не имеет в себе ничего исключительного, почему должна она сосредоточиться в одном и облечься в социальном своем деле в монархическую форму, предпочтительно перед всеми другими формами?

Так как дело идет не о всемогуществе Бога, которое могло бы сделать внешним образом обязательными для людей истину и справедливость, но о божественной любви, участником которой человек становится с добровольного согласия своего, то прямое воздействие Божества должно быть сведено к минимуму. Оно не может быть вполне упразднено, так как всякий человек есть ложь и ни одно человеческое существо, как индивидуальное так и коллективное, предоставленное своим собственным средствам, не может удержаться в постоянной и прогрессивной связи с Божеством. Но животворящая Любовь Божия, соединенная с божественной Премудростью, quae in superfluis non abundat, дабы помочь человеческой немощи, не препятствуя в то же время действию сил человечества, избирает путь, на котором объединяющее и животворящее действие сверхприродной истины и благодати на человечество в его целом встречает меньше всего естественных препятствий и находит социальную среду, внешним образом сообразную и приспособленную к выявлению истинного единства. Этот путь, облегчающий богочеловеческий союз в порядке социальном созданием в самом человечестве объединяющего центрального органа, есть путь монархический. Чтобы всякий раз снова создавать добровольное единство на хаотической основе независимых мнений и враждующих волей, потребно было бы всякий раз и новое непосредственное и явно чудотворное воздействие Божества, некоторое действие ex nihilo, которое являлось бы для людей как необходимость, и лишало бы их нравственной свободы. Как божественное Слово не явилось на земле в небесном величии и блеске Своем, но в смиренном обличий человеческой природы; как и теперь еще, отдавая себя верующим, Оно приемлет смиренное обличие материальных видов, так Оно не пожелало и править человеческим обществом непосредственно божественной Своей властью, но предпочло воспользоваться, как постоянным средством своего социального воздействия, уже существовавшей в человеческом роде формой единства - всемирной монархией. Необходимо было только возродить, одухотворить, освятить эту социальную форму, заместив начало смерти, насилие и обман вечным началом Благодати и Истины. На место главы солдат, в духе лжи признававшего себя богом, должен был стать глава верующих, в духе истины признавший и исповедавший в своем Учителе Сына Бога Живого; на престол неистового деспота, желавшего сделать порабощенный род человеческий своей кровавой жертвой, должен был быть возведен любящий священнослужитель Бога, пролившего кровь свою за человечество.

У пределов Кесарии и на берегах Тивериадского озера Иисус низверг Кесаря с его престола - не Кесаря динария и не христианского Кесаря будущего, но Кесаря апофеоза, Кесаря - единого, безусловного и самозаконного владыку мира, центр верховного единства человеческого рода. Он низверг его, ибо создал новый и лучший центр единства, новую и лучшую верховную власть, основанную на вере и любви, на благодати и истине. И, низвергая с престола ложный и нечестивый абсолютизм языческих Кесарей, Иисус в то же время подтвердил и увековечил всемирную монархию Рима, дав ей ее истинную теократическую основу. В известном смысле это

было лишь переменной династий; династию Юлия Цезаря, верховного первосвященника и бога, сменила династия Симона Петра, верховного первосвященника и слуги слуг Божиих.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

"Сын Человеческий" и "Камень"

Изложенная нами выше точка зрения дает нам возможность понять, почему пророческое видение великих языческих держав - полное и ясное, насколько видение вообще может быть таковым, - не упоминает о величайшей из этих держав - о Римской Империи. Дело в том, что эта Империя не представляла части чудовищного колосса, осужденного на гибель, но рамки и пребывающую материальную форму, в которую могло отлиться Царство Божие. Великие державы древнего мира были преходящим явлением в истории: один Рим пребывает доселе. Капитолийская скала освящена была библейским камнем, и римская империя обратилась в ту великую гору, которая, согласно пророческому видению, родилась из этого камня. Да и самый камень, что может он обозначать, как не монархическую власть того, кто назван был камнем по преимуществу и на ком воздвигнута была Вселенская Церковь - эта гора Божия?

Образ этого таинственного камня в книге Даниила обычно прилагается к самому Иисусу Христу. Но следует заметить, однако, что Иисус, часто пользуясь пророком Даниилом в своей проповеди, заимствовал у этого пророка, в применении к своему лицу, не образ камня, но другое обозначение, которое он почти обратил в собственное имя свое, - Сын Человеческий. Это имя употребляет Он в основном тексте евангелиста Матфея: "За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?" Иисус есть Сын Человеческий, виденный пророком Даниилом (Даниил, VII, 13); что же касается камня (Даниил, II, 34, 35, 45), то он не знаменует непосредственно Иисуса, но основную власть в Церкви, к первому представителю которой сам Сын Человеческий приложил этот образ: "И Я говорю тебе; ты - камень".

Наш взгляд находит прямое подтверждение в контексте пророчества Даниила. Речь идет о Царстве божественного происхождения, но тем не менее видимом и земном, имеющем заменить великие языческие державы, покорив и разрушив их. Появление и торжество этого пятого Царства, которое в параллельном тексте названо "народом святых Всевышнего" (Даниил, VII, 18, 27) и которым, очевидно, является Вселенская Церковь, символически изображены тем камнем, который, сокрушив ноги колосса, становится великой горой, покрывающей всю землю. Поэтому, если бы "камень" Даниила знаменовал непосредственно Христа, то пришлось бы допустить, что сам Христос стал "великой горою", то есть вселенской монархией Церкви, сменившей языческие державы. Но чего ради станем мы ни с того ни с сего приписывать поистине вдохновенному писателю этой таинственной книги такой смутный и неподходящий образ, когда имеется ясное и стройное объяснение, которое не только вполне допустимо, но прямо и с несомненностью вытекает из сравнения этих пророческих текстов с соответствующим евангельским текстом? Как тут, так и там, как у Даниила, так и у евангелиста Матфея, мы встречаем Сына Человеческого и камень Церкви. Но так как не может быть ни малейшего сомнения в том, что Сын Человеческий книги пророческой и Сын Человеческий Евангелия представляют одно и то же лицо - Мессию, то аналогия требует, чтобы и образ церковного камня имел в обоих случаях тождественный смысл. Но в Евангелии Камнем является, очевидно, князь апостолов - ты камень - ergo и камень пророка Даниила преобразовал также первоначального блюстителя монархической власти во Вселенской

Церкви, - камень, взятый и брошенный не руками человеческими, а Сыном живого Бога и самим Отцом Небесным, открывшим монарху Церкви богочеловеческую истину - первопричину его власти.

Укажем еще на следующее изумительное совпадение: никто иной, как великий царь Вавилона, типический представитель ложной всемирной монархии, видел в таинственном сновидении главного представителя истинной вселенской монархии; и предстал он ему в знаменательном образе камня, ставшего впоследствии его именем собственным. И дано ему было увидеть также и совершенный контраст этих двух монархий: одна, начинаясь золотой головой, кончается глиняными ногами, распадающимися в прах; другая, начинаясь маленьким камнем, кончается великой горой, заполнившей всю землю.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Преосвященный Филарет Московский, святой Иоанн Златоуст, Давид Штраус и Прессансе о первенстве Петра

Некоторые из искренних православных, понуждаемые очевидностью, говорили нам: "Действительно, Иисус Христос установил в лице апостола Петра некоторую центральную и верховную власть в Церкви; но мы не усматриваем, как и почему эта власть могла перейти к римской Церкви и папству". Таким образом, признается камень, отторгнутый без помощи рук человеческих, но не желают усматривать великой горы, выросшей из этого камня. И, однако, факт этот вполне выяснен в Священном Писании путем образов и притч, которые все знают на память и тем не менее не понимают.

Если камень, ставший горою, есть только символ, то обращение простого и еле видного зачатка в бесконечно более сложное и обширное органическое тело - реальный факт. И при помощи именно этого реального факта Новый Завет объясняет грядущее развитие Церкви - великого дерева, бывшего в начале едва заметным зерном, а ныне дающего приют и тень зверям земным и птицам небесным.

Но даже и в среде католиков встречались ультрадогматические умы, которые, выражая свое справедливое изумление перед величием этого дуба, покрывающего их своей сенью, решительно отказывались допустить, чтобы это изобилие органических форм могло возникнуть из такого простого и рудиментарного строения, как строение обыкновенного желудя. Послушать их, так пришлось бы признать, что если дуб возник из желудя, в этом последнем должны были уже явно и отдельно заключаться если не все листья, то по крайней мере все ветви огромного дерева: он должен был быть не только субстанционально тождественным с ним, но и схожим с ним во всех подробностях. И вот умы прямо противоположного направления - умы ультракритические - принимают рассматривать этот бедный желудь самым тщательным образом со всех сторон. Естественно, что они не находят в нем ничего подобного величественному дубу, - ни сложного переплета корней, ни мощного ствола, ни густых ветвей, ни волнистых и упругих листьев. Все эти разговоры только одно морочение, говорят они: желудь-желудь и есть, и ничем иным никогда и быть не может; а что касается до великого дуба со всеми его атрибутами, то отлично всем известно, откуда о нем слух пошел: его выдумали иезуиты на ватиканском соборе, мы это своими собственными глазами видели... в книге Ianus'a.

Рискуя показаться вольнодумцем крайним догматикам и в то же время быть объявленным иезуитом критическими умами, я должен засвидетельствовать ту безусловно достоверную истину, что желудь действительно имеет вполне простое и рудиментарное строение, что в нем невозможно открыть всех составных частей величественного дуба и что тем не менее этот последний действительно возник из желудя и притом без всякого коварства и хищения, по присущему ему праву и, скажем даже, по праву божественному. Так как Бог не подвержен ограничениям времени, пространства и механической причинности и видит в семенах вещей всю скрытую мощь их будущего, то Он, конечно, в маленьком желуде узрел, определил и благословил могучий дуб, имевший из него возникнуть; в зерне горчичном, в вере Петра, он усмотрел и возвестил великое дерево кафолической Церкви, которому суждено было покрыть землю ветвями своими.

Поставленный от Иисуса Христа хранителем вселенской верховной власти, которая должна была пребывать и развиваться в Церкви в течение всего земного бытия ее, Петр лично пользовался этой властью лишь в той мере и в тех формах, которые допускало первоначальное состояние апостольской Церкви. Воздействие князя апостолов столь же мало похоже было на управление современных пап, как желудь походит на дуб, что не мешает, однако, папству быть естественным, логическим и законным продуктом первенства Петра. Что касается этого первенства, то оно с такой ясностью указано в исторических книгах Нового Завета, что никогда не оспаривалось ни одним добросовестным богословом, будь он православный, рационалист-или еврей. Мы уже упоминали о выдающемся еврейском писателе Иосифе Сальвадоре, как о беспристрастном свидетеле, подтверждающем, как действительное установление Церкви Иисусом Христом, так и то исключительное положение, которое было предоставлено в этой Церкви Петру¹. Другой писатель, не менее свободный от каких-либо католических предрассудков, Давид Штраус, знаменитый представитель немецкой критической школы Ю глава ее, принужден был защищать первенство Петра против протестантских полемистов, которых он обвиняет в предвзятости². Что касается представителей восточного православия, то лучшее, что мы можем сделать, это еще раз сослаться на единственного нашего богослова, Филарета митрополита Московского. Ему первенство Петра представляется "ясным и очевидным"³. Напомнив, что Петр получил от Христа особое поручение - утвердить братьев своих (Лука XXII, 32), то есть остальных апостолов, знаменитый русский иерарх говорит далее: "Подлинно, когда Воскресение Господа прежде всех открылось Мироносицам, сие не утвердило апостолов в веровании оному: "И яви-шася пред ними яко лжа глаголы их" (Лука XXIV, II). Но когда Воскресший явился Петру, то и прочие апостолы, прежде общего всем им явления, уже с твердостью говорили: "Воистину воста Господь и явися Симону" (Лука XXIV, 34). Наконец, должно ли наполнить пустоту, оставленную в лице апостольском чрез отпадение Иуды? - первый примечает сие Петр и первый печется о сем. Должно ли, непосредственно по сошествии Святого Духа, торжественно начать проповедь евангельскую? "Став же Петр со единонодесятьми", первый из них "воздвиже глас свой" (Деяние II, 14). Должно ли положить основание Церкви Христовой между язычниками так же, как между Иудеями? Петр крестит Корнилия; и уже не в первый раз исполняется над ним слово Христово: "ты еси Петр и на сем камени созижду Церковь Мою"⁴.

В этом засвидетельствовании истины красноречивый учитель современной русской Церкви является лишь слабым отголоском еще более красноречивого учителя древней греческой Церкви. Святой Иоанн Златоуст заранее победоносно опроверг возражения против первенства Петра, которые и теперь еще стараются извлечь из некоторых фактов евангельской и апостольской

истории (отречение Симона во дворе первосвященника, его отношения к апостолу Павлу и т. д.). Отсылаем наших православных читателей к доводам великого вселенского учителя⁵. Никто из писателей папистов не мог бы с большей силой и настойчивостью подтвердить первенство власти Петра (а не чести только) в апостольской Церкви. Князь апостолов, которому все были Вручены Христом (<...), имел, по мнению святого учителя, право сам своей властью назначить преемника Иуде, и если, в данном случае, он призвал на совет остальных апостолов, то это нимало не являлось для него обязательным, а было лишь актом доброй его волиб.

Священное Писание говорит нам о первенстве Петра; его право на безусловную и верховную власть в Церкви засвидетельствовано православным преданием; но нужно было бы быть лишенным всякого исторического такта и даже простейшего здравого смысла, чтобы искать в первоначальной Церкви (не только в те времена, когда "у множества верующих было одно сердце и одна душа", но долгое время после того) юридически установленной и действующей по определенным правилам власти. Это значило бы, как уже было сказано, искать ветвей дуба в желуде. Действительный и живой зародыш верховной церковной власти, усматриваемый нами в князе апостолов, мог обнаружиться в Церкви первых времен лишь в той практической инициативе, которую Петр проявлял во всяком деле, затрагивавшем существенные нужды Вселенской Церкви, как мы это действительно и видим в Евангелиях и Деяниях Святых Апостолов⁷.

Раз находятся критики, которые не видят личности апостола Павла в его посланиях, то всегда найдутся и такие, которые не заметят преобладающего значения Петра в деле основания Церкви. Мы не станем останавливаться долее на опровержении их и перейдем к тем возражениям, которые ставятся против римского наследия галилейского рыбака.

Примечания:

1 Протестантские авторы не отличаются вообще подобным беспристрастием. Однако лучшие из них признают самый факт, делая в то же время бесплодные усилия перетолковать его на свой лад. Вот, например, что говорит Прессансе (История трех первых веков христианства, 1-ое изд., т. 1, стр. 358,359, 360): "В первые времена апостол Петр имел преобладающее влияние. В той роли, которую он играл тогда, усмотрели доказательство его первенства. Но, если внимательнее всмотреться, то увидишь, что он проявил лишь свои естественные (!) дарования, очищенные и расширенные Духом Божиим". "Впрочем, рассказ святого Луки нимало не подтверждает иерархических взглядов. В поведении апостола Петра все непосредственно и естественно. Он не является *ex officio* председателем некоей апостольской коллегии". (Прессансе смешивает, очевидно, привходящее качество некоторого более или менее выраженного официального положения с существом первенства). "Он действует лишь с совета братьев (по-видимому, по протестантским взглядам совет исключает авторитет), как при избрании нового апостола, так и в Пятидесятниц, перед народом, перед синедрьоном. Петр из первых христиан был наиболее унижен, вот почему он ранее других был возвеличен". Вот каким дешевым риторическим приемом протестантство пытается отделаться от прямого смысла формальных текстов Священного Писания, провозглашенного им единственным источником религиозной истины.

2 *Vie de Jйsus*, trad. Littrй. Paris. 1839, t: 1, IIime partie, p. 584, cf. P. 378.

3 Слова и речи Филарета, митрополита Московского. Москва, 1873 г.ислед. Т. П, стр.214.

4 Там же.

5 Известно, что греко-российская Церковь прилагает это наименование по преимуществу к трем древним иерархам: святому Василию Кесарийскому, Великому, святому Григорию Назианзину, Богослову, святому Иоанну Златоусту. Им установлено и общее празднование - 30-го января по нашему календарю.

6 *Ion. Chrys. Opp.* t. IX, col. 27,30,31.

7 Тем нашим православным читателям, которым, для признания исключительного значения Петра в новозаветной истории, не представляется достаточным авторитет таких Святых Отцов, как Иоанн Златоуст, и даже авторитет таких русских богослов, как преосвященный Филарет, быть может, покажется более убедительным довод, так сказать, статистический. Приняв в соображение, что из непосредственных учеников Иисуса ни один не имеет столько прав на особо выдающееся место, как апостол Иоанн, возлюбленный ученик Христов, я подсчитал, сколько раз в Евангелиях и

Деяниях Святых Апостолов упоминается Иоанн и сколько раз Петр. Оказалось, что отношение получается приблизительно такое, как единицы к четырем. Апостол Петр назван 171 раз (114 раз в Евангелиях и 57 раз в Деяниях), а апостол Иоанн только 46 раз (38 раз в Евангелиях - считая и те случаи, когда он сам говорит о себе косвенным образом - и 8 раз в Деяниях).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Апостол Петр и Папство

Апостолу Петру принадлежит первенство власти, это так; но почему папу римского следует считать наследником этого первенства? Мы должны сознаться, что серьезное значение этого вопроса, когда он ставится в такой форме, совершенно ускользает от нас. Раз мы признали верховную и основную власть во Вселенской Церкви, установленную Христом в лице апостола Петра, то следует допустить и то, что эта власть где-нибудь да находится. И очевидная невозможность найти ее нигде, кроме Рима, есть уже достаточное, казалось бы нам, основание для согласия с высказываемым католиками положением.

Раз ни Константинопольский патриарх, ни Санкт-Петербургский синод не имеют и не могут иметь претензии представлять собой камень Вселенской Церкви, то есть действительное и основное единство власти церковной, то следует или отказаться от этого единства и признать состояние разделения, беспорядка и порабощения нормальным состоянием Церкви, или признать права и действительную ценность одной и единственной из всех существующих властей, всегда проявлявшей себя как центр церковного единства. Никаким рассуждением не опровергнешь очевидности того факта, что вне Рима имеются только национальные Церкви (как, например, армянская Церковь, греческая Церковь), или Церкви государственные (как, например, русская Церковь, англиканская Церковь), или же секты, основанные отдельными лицами (как, например, лютеране, кальвинисты, ирвингианцы и т. д.). Одна только римская католическая Церковь не представляет ни национальной Церкви, ни Церкви государственной, ни секты, основанной человеком. Это единственная Церковь во всем мире, сохраняющая и утверждающая начало вселенского социального единства против эгоизма индивидов и партикуляризма наций; одна она охраняет и утверждает свободу духовной власти против абсолютизма Государства; только ее, одним словом, не одолели врата ада,

"По плодам их познаете их". В области религиозного общества плод католицизма (для тех, кто остались католиками) есть единство и свобода Церкви; плод восточного и западного протестантизма для тех, кто склонились к нему, есть разделение и рабство; разделение в особенности на Западе, а рабство в особенности на Востоке. Можно думать и говорить что угодно о римской Церкви или папстве. Мы и сами весьма далеки от того, чтобы видеть в них или искать в них достигнутого совершенства, осуществленного идеала. Мы знаем, что камень Церкви не есть еще сама Церковь, что основание не есть здание, что путь еще не есть цель. Все, что мы решаемся утверждать, это что папство есть единственная международная и независимая власть, единственная действительная и пребывающая основа для вселенского действия Церкви. Это факт неоспоримый, и его достаточно, чтобы заставить признать в папе единого хранителя преимущества и власти, данных Христом Петру. И раз дело идет о вселенской церковной монархии, задачей которой было пресуществление всемирной политической монархии без полного уничтожения этой последней, то не естественно ли, что земной центр этих двух соответственных монархий, столица их, осталась та же? Если, как мы уже говорили выше,

династия Симона Петра должна была в известном смысле заместить династию Юлия Цезаря, цезаризм смениться папством, то не должно ли было это последнее избрать постоянным местом пребывания своего реальный центр всемирной империи?

Перенесение, в Рим верховной церковной власти, установленной Христом, в лице апостола Петра, есть очевидный факт, подтверждаемый церковным преданием и оправдываемый логикой вещей. Что же касается вопроса, как и в каких формах власть Петра перешла к римскому епископу, то здесь мы имеем дело с исторической проблемой, научное разрешение которой ввиду отсутствия формальных свидетельств представляется невозможным. Мы верим православному преданию, занесенному в наши литургические книги, утверждающему, что апостол Петр прибыл в Рим, избрал этот город местом постоянного пребывания своего и перед смертью сам назначил себе преемника. В дальнейшем мы видим, что папы избирались христианской общиной города Рима, пока не установился окончательно действующий и доныне способ избрания пап коллегией кардиналов. Независимо от сего, мы имеем, начиная со второго века (творения святого Иринея), достоверные свидетельства, доказывающие, что римская Церковь уже в то время признавалась во всем христианском мире за центр единства, а римский епископ постоянно пользовался верховным авторитетом, хотя формы, в которых этот верховный авторитет проявлялся, по необходимости менялись сообразно временам, становясь все более и более определенными и внушительными по мере того, как социальная структура Церкви все более и более усложнялась, дифференцировалась и развивалась.

"Действительно, - пишет один из историков рационалистической и критической школы, - действительно в 196 году выборные предстоятели Церквей пытались установить церковное единство: один из них, предстоятель римской Церкви, по-видимому, присваивает себе исполнительную власть в христианской общине и права и положение верховного первосвященника"¹. Но вопрос шел не об одной исполнительной власти; тот же писатель немного далее делает нижеследующее признание: "Тертуллиан и Киприан, по-видимому, преклоняются перед римской Церковью, как Церковью главной, являющейся в известной мере руководительницею и хранительницею веры и чистоты предания"².

Монархическая власть Вселенской Церкви была в первые времена христианства лишь еле заметным, но полным жизни зачатком; во втором веке зачаток этот уже видимо развился, свидетельством чему могут служить деяния папы Виктора, а затем деяния пап Стефана и святого Дионисия в третьем и деяния папы Юлия I в четвертом веке. В следующем веке мы видим уже, как этот верховный авторитет и эта монархическая власть римской Церкви - при папе святом Льве I - вырастает в небольшое, но крепкое деревцо; и, наконец, к девятому веку папство представляет уже знакомое нам могучее и величественное дерево, покрывающее весь христианский мир тенью своих ветвей.

Таков великий факт, основной факт, историческое проявление и исполнение божественных слов:

Ты - Петр, и т. д. Этот общий факт имел место по божественному праву, между тем как частные факты, относящиеся к передаче верховной власти, порядку выбора пап и т. д., связаны с чисто человеческой стороной Церкви и представляют лишь совершенно второстепенный интерес с религиозной точки зрения. И здесь мы также можем усмотреть некоторое сходство с римской Империей, в известном смысле прообразовавшей римскую Церковь. Рим был бес-, спорным центром Империи, и поэтому власть лица, провозглашенного в Риме императором, получала

немедленное признание во всем мире, не спрашивавшем, кто вручил ему эту верховную власть: Сенат ли, преторианцы, или воля черни. В исключительных случаях, когда Император бывал избран вдали Рима легионами, первой его заботой было отправиться в императорский город, впредь до согласия которого с его избранием таковое рассматривалось всеми как предварительное и временное. Рим пап стал для всего христианского мира тем, чем был Рим Кесарей для мира языческого. Епископ Рима являлся, как таковой, верховным пастырем и учителем всей Церкви, и никому не было дела до способа его избрания, зависевшего от обстоятельств и исторических условий. Вообще, избрание римского епископа не давало каких-либо больших оснований усомниться, в его законности, чем всякое другое избрание епископа. А раз его избрание в епископы было признано, глава центральной Церкви, заняв престол святого Петра, со ipso приобретал все права и всю власть, связанную по слову Христа с камнем Церкви. Бывали исключительные случаи, когда избрание могло представляться сомнительным, и история знает антипап. Но появление лже-Димитриев и Пугачевых нисколько не умаляло законного авторитета русской монархии;

равным образом и антипапы не могут дать оснований к возражениям против папства. Все, что может показаться ненормальным в истории Церкви, относится к человеческим "видам", а не к божественной сущности религиозного общества. Если и могли быть случаи, что для совершения таинства евхаристии взято было фальсифицированное и даже отравленное вино, то разве это кощунство наносило хотя бы малейший ущерб самому таинству?..

Исповедуя, что епископ Рима - истинный преемник апостола Петра и - как таковой - непоколебимый камень Церкви и ключарь Царства Небесного, мы оставляем в стороне вопрос о том, был ли князь апостолов телесно в Риме. Факт этот засвидетельствован церковным преданием, как восточным, так и западным, и мы лично не сомневаемся в его действительности. Но если бы нашлись чистосердечные христиане, которым мнимые доводы протестантских ученых показались бы более убедительными, чем они представляются нам, то спорить с ними по этому вопросу мы не стали бы. Допустив даже, что апостол Петр никогда телесно не был в Риме, можно с религиозной точки зрения утверждать факт духовной и мистической передачи его верховной власти епископу вечного города. История первых времен христианства сообщает нам яркий пример подобной передачи. Апостол Павел в порядке природном не связан с Иисусом Христом, он не был свидетелем земной жизни Спасителя и призвание его не было видимым и явным; и тем не менее он почитается всеми христианами за одного из величайших апостолов. Апостольство его было открытым на глазах у всех служением в Церкви, и однако начало этого апостольского служения - связь Павла с Иисусом Христом - является фактом мистическим и чудесным. Как явление сверхъестественного порядка создало первоначальную связь между Иисусом Христом и Павлом и сделало этого последнего сосудом избрания и апостолом язычников, причем это чудесное призвание не помешало, однако, дальнейшей деятельности апостола стать в естественные условия человеческой жизни и исторических событий, так и первая связь между апостолом Петром и римским епископским престолом - связь, положившая основание папству - могла стоять в зависимости от некоторого мистического и трансцендентного акта, что нисколько не отнимает у самого папства, раз оно сложилось в определенное известное историческое явление, характера правильного социального учреждения, проявляющего свою деятельность в обычных условиях земного существования. Могучий дух апостола Петра, направляемый всемогущей волей его Учителя, конечно мог, для увековечения центра церковного единства, почтить на том месте, где находился предсозданный Провидением центр политического единства, и сделать епископа Рима наследником своего первенства. Папа, согласно этому предположению,

которое, чего не следует забывать, может стать необходимым лишь в том случае, если будет положительно доказано, что апостол Петр не был в Риме, - папа должен быть рассматриваем, как преемник святого Петра в том же духовном и, однако, вполне реальном смысле, в котором (*mutatis mutandis*) апостол Павел должен быть признан истинным апостолом, избранным и посланным Иисусом Христом, которого он видел, однако, лишь в чудесном видении. Апостольство святого Павла засвидетельствовано Деяниями Святых Апостолов и Посланиями самого Павла; первенство римского престола, как наследия апостола Петра, засвидетельствовано достоверным преданием Вселенской Церкви. Для православного христианина это последнее доказательство не имеет по существу своему меньшей силы, чем первое.

Как основной камень Церкви был перенесен из Палестины в Италию, это может быть нам неизвестным; но что он действительно был перенесен и утвержден в Риме, это факт непоколебимый, отвергнуть который можно лишь отрицая священное предание и самую историю христианства.

Эта точка зрения, подчиняющая факт принципу, действительность высшему началу и ставящая некоторую общую истину выше внешней достоверности материальных феноменов, - эта точка зрения не представляет нашего личного взгляда на вещи: так смотрит на дело сама православная Церковь. Приведем пример, поясняющий нашу мысль. Не подлежит ни малейшему сомнению, что первый вселенский собор в Никее был созван Императором Константином, а не папой святым Сильвестром. Однако греко-российская Церковь, в службе на 2-ое января, прославляя память святого Сильвестра, особо восхваляет его за созвание 318 отцов в Никее и утверждение правой веры против ариева нечестия. Это не простая историческая ошибка, - история первого собора была прекрасно известна в Восточной Церкви, - это скорее признание некоторой общей истины, которая, для религиозного сознания Церкви, представлялась несравненно более важной, чем материальная точность. Раз первенство пап было признано в принципе, естественно было относить к тому или другому папе все церковные акты, имевшие место в эпоху его первосвященства. Таким образом, руководясь общим и существенным правилом церковной жизни, а не историческими подробностями отдельного случая, Церковь приписала папе святому Сильвестру честь и дело, принадлежавшие ему по духу, а не по букве христианской истории. И в этом она была права, если справедливо, что буква убивает, а дух животворит.

Примечания:

1 V. Aube. Les chretiens dans l'Empire Romain, de la fin des Antonins au milieu du III-ime siecle, p. 69.

2 Ibid, p. 146

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Папа святой Лев Великий о первенстве

Здесь не место излагать в подробностях историческое развитие папства и воспроизводить бесчисленные свидетельства православного предания, подтверждающие законность верховной власти пап во Вселенской Церкви.

Чтобы показать исторические основы защищаемого нами положения тем из наших читателей, которые мало знакомы с церковной историей, достаточно будет остановиться на одной достопамятной в судьбах папства эпохе, - достаточно древней, чтобы внушить уважение нашим

православным традиционалистами, и в то же время освещенной полным светом истории эпохе, оставившей нам целый ряд письменных свидетельств и не представляющей в основных чертах своих ничего темного или сомнительного. Мы говорим о середине пятого века - времени, когда римская Церковь была столь достойно представлена папой святым Львом Великим.

Нам будет любопытно проследить, как этот римский первосвященник, признаваемый святым и в греко-российской Церкви, смотрел на свою власть, и как утверждения его по этому поводу были приняты восточной частью Церкви.

В одной из своих проповедей, напомнив, что Христос есть единый первосвященник в безусловном значении этого слова, святой Лев продолжает: "Но Он не оставляет пасти стадо свое; и от Его верховной и вечной власти приняли мы в преизбытке дар апостольского могущества, и помощь Его всегда присутствует в деле Его. - Ибо твердость в вере, за которую воздана была хвала князю апостолов, пребывает вовек, и как то, во что в Христе уверовал Петр, остается неизменным, так неизменным остается и то, что Христос установил в Петре (*et sicut permanet quod in Christo Petrus credit, ita permanet quod in Petro Christus instituit*). Итак, твердость в вере сия остается устроением истины; и блаженный Петр, пребывая в силе, принятой от Камня, не оставил бразды Церкви, врученные ему. Поэтому если мы действуем и судим по справедливости, если мы по ежедневным мольбам получаем что-либо от милосердия Божия, то это есть дело и заслуга того, мощь которого живет и власть которого преизбыточествует в престоле его".

Упомянув об епископах, собравшихся в Риме на праздник святого Петра, святой Лев говорит, что они пожелали почтить своим присутствием "того, кто, как им ведомо, занимая этот престол (римский), является не только предстоятелем всех епископов, но и первенствующим в среде их"¹.

В другой речи, выразив то, что можно назвать основной церковной истиной, а именно, что в области внутренней жизни, жизни благодатной, все христиане священники и цари, но что различия и неравенства необходимы во внешнем строении мистического тела Христа, святой Лев прибавляет: "И, однако, из всего мира избран один Петр, и один он поставлен во главе всего: и собора народов, и всех апостолов, и всех отцов Церкви, дабы, хотя в народе Божиим многие суть священники и многие - пастыри, всеми ближайшим образом правил Петр, как главным образом правит всеми Христос. Это, о возлюбленные мои, - великое участие (*magnum consortium*) в могуществе, которое божественная воля даровала этому человеку. И если она пожелала, чтобы и другие, во главе стоящие, имели нечто общее с ним, то преподавала она не иначе как через него то, в чем не отказала другим. И Я говорю тебе: то есть как Мой Отец открыл тебе Мое божество, так Я открываю тебе превосходство, - ты Петр: то есть, если Я - Скала несокрушимая, Я - Камень краеугольный, смыкающий два в одно, Я - основание, вне которого никто не может положить другого, то и ты, однако, также Камень, утвержденный Моею силою и имеющий по участию общим со Мною то, что Я по могуществу Моему имею, как присущее Мне"².

"Власть вязать и решить перешла также и к другим апостолам, а через них и ко всем предстоятелям Церкви но не напрасно одному поручено было то, что принадлежит всем. Петр облечен силою всех, и помощь божественной благодати уставлена так, что крепость, дарованная Христом Петру, передается Петром другим апостолам"³.

Как Петр участвует в верховной власти Христа над Вселенской Церковью, так и епископ Рима, занимающий престол Петра, является действительным представителем этой власти.

"Петр и теперь правит престолом своим, и consortium его с Вечным Первосвященником неотъемлемо от него. Ибо крепость, дарованная ему, ставшему камнем, от Христа, который есть камень, перешла к его преемникам, и везде, где проявляется какая-либо крепость, мы имеем дело несомненно с силой пастыря по преимуществу. - Кто, чья славу блаженного Петра, мог бы быть настолько невежественным и настолько завистливым, чтобы утверждать, что есть хоть одна часть Церкви, которая не управляется его заботой и не растет его помощью?"⁴.

"Хотя все отдельные пастыри правят паствами своими, прилагая к этому делу особую заботу свою, и знают, что дадут отчет во вверенных им овцах, - тем не менее на нас одних лежит обязанность разделять эту заботу со всеми, и управление каждого есть часть нашей тяготы. Ибо со всех концов света прибегают к престолу блаженного апостола Петра; и любви к Вселенской Церкви, заповеданной ему Господом, требуют и от нашего наделения, - почему и тяготеем на нас тем большее бремя, чем больше самый долг наш по отношению ко всем"⁵.

Слава апостола Петра в глазах святого Льва нераздельна со славою римской Церкви, которую он называет "родом святым, народом избранным, градом священническим и царственным, ставшим главою мира чрез священный престол блаженного Петра"⁶.

"Он, глава апостольского чина, предназначен был для твердыни Римской империи, дабы свет истины, открывшийся для спасения всех народов, мог более действенно изливаться от самой главы на все тело мира"⁷.

Примечания:

1 S. Leonis Magni opp. ed. Migne, Parisiis, 1846 sqq., 1.1,

2 S. Leonis Magni, col. 149.

3 Ibid, col. 151,2. Cf. 429-32.

4 S. Leonis Magni, col. 155,6.

5 Ibid., col. 153.

6 Ibid, col. 423.

7 Ibid, col. 424.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Святой Лев Великий о папской власти

Согласно такому представлению о верховной власти Петра, неизменно пребывающей в римской Церкви, святой Лев не мог не считать себя "руководителем христианского мира"¹ ответственным за мир и добрый порядок во всех Церквях².

Прилагать все свои силы к этой необъятной задаче он считал своим религиозным долгом. "Основание благочестия, - пишет он африканским епископам, - требует, чтобы, при той заботе о Вселенской Церкви, которая возложена на нас по божественному установлению, мы всеми силами стремились познать достоверную истину вещей. Ибо положение и порядок всей семьи Господней были бы потрясены, если бы что-либо, в чем нуждается тело, не нашлось бы в главе"³.

То же чувство выражено с большими подробностями в послании к епископам Сицилии: "Божественные заповеди и увещания апостольские побуждают нас с деятельной любовью пещись

о положении всех Церквей; и если в них найдется что либо достойное порицания, мы должны заботливо предостеречь виновного в неосторожном неведении, либо в самонадеянном хищении власти. Побуждаемые словами Господа, проникшими блаженного Петра тройным повторением таинственного утверждения, дабы любящий Христа пас овец Христовых, мы, в уважении к занимаемому нами, по преизбытку благодати Божией, престолу, должны по мере сил наших избегать опасности нерадения, чтобы не вотще искали в нас исповедания Святого Апостола, коим он явил себя учеником Господа. Ибо пасущий с небрежением стадо, столь крат ему врученное, повинен в нелюбви к верховному пастырю"4.

В послании своем к патриарху Константинопольскому, святому Флавиану, папа приписывает себе обязанность охранения чистоты кафолической веры отсечением раздоров, а также право предостережения властью своею (*nostra auctoritate*) защитников заблуждений и укрепления тех, вера коих заслуживает одобрения5.

Когда император Феодосии II попробовал вступить перед святым Львом за архимандрита Евтихия (зачинщика монофизитской ереси), державный первосвяtitель ответил, что Евтихий может получить прощение лишь в том случае, если он отречется от мнений, осужденных папой. Этому последнему принадлежит право окончательного решения в вопросах догмы. "Во что верует и чему учит кафолическая Церковь о тайне воплощения Господа - это во всем объеме изложено в моем послании к брату и соепископу моему Флавиану"6.

Святой Лев не допускал, чтобы вселенский собор мог постановлять какие-либо определения по вопросам догмы, уже разрешенным папою7.

В инструкции, которую папа дает легату своему, епископу Пасхазину, он указывает на догматическое послание свое к Флавиану, как на полное и окончательное изложение правой веры8. В другом послании к императору Маркиану святой Лев заявляет, что дух Божий наставляет его в деле учения и возвещения истинной кафолической веры9. В третьем послании к тому же лицу он сообщает, что требовал созвания собора лишь для того, чтобы восстановить мир в Восточной Церкви10, а в послании, обращенном к самому собору, он говорит, что признает таковой лишь "под условием неприкосновенности права и чести, принадлежащих престолу блаженного апостола Петра", и обращается затем к восточным епископам с увещанием "ни в каком случае не принимать на себя смелости спорить против боговдохновенной веры" - установленной им в догматическом его послании. "Не дозволено, - говорит он, - защищать то, во что не дозволено веровать; ибо в посланиях наших, обращенных к блаженной памяти епископу Флавиану, мы уже во всех подробностях и с полнейшей ясностью (*plenissime et lucidissime*), по евангельским свидетельствам, словам пророческим и учению апостольскому указали, в чем заключается благочестивое и истинное исповедание по вопросу, тайне воплощения Господа нашего Иисуса Христа"11.

А вот в каких выражениях святой Лев сообщает галльским епископам о результатах халкидонского собора:

"Святой собор, с благочестивым единодушием присоединившись к писаниям нашего смирения, поддержанного властью и заслугами господина нашего блаженного апостола Петра, стер этот мерзостный позор с Церкви Божией" (ересь Евтихия и Диоскора)12.

Но, независимо от этого результата, одобренного папой, известно, что халкидонский собор ознаменован был и актом другого рода: в незаконном заседании восточные епископы, подчиненные константинопольскому патриархату, провозгласили знаменитое правило, двадцать восьмое, по которому за их иерархическим главой признавалось первенство на Востоке в ущерб патриархам Александрийскому и Антиохийскому. Правда, они сами объявили это правило предварительным и смиренно повергли его на суд святого Льва. Этот последний отверг его с негодованием, и это было для него новым поводом подтвердить свои иерархические принципы и объем своей власти. Он начинает (в письме своем к императору) с замечания, что притязания Константинопольского патриарха, как основанные на соображениях политических, не имеют ничего общего с первенством святого Петра, которое есть установление божественное. "Один разум дел мирских и иной - дел божественных; и вне единой Скалы, положенной в основу Господом, ни одно здание не может устоять. Пусть довольствуется он (патриарх Анатолий) тем, что получил епископство такого города при содействии вашего благочестия и с согласия моей милости. Он не должен относиться с пренебрежением к царственному граду, который он не может обратить в апостольский престол; и да не надеется он приумножить свое достоинство оскорблением других. Пусть поразмыслит он об этом, ибо мне поручено управление Церковью. Я был бы ответствен за то, если бы церковные правила были нарушены при потворстве моем (да не будет сего со мною!), и если бы воля одного брата имела для меня больше цены, чем общая польза вселенского дома Господнего"¹³.

"Соглашения епископов, противные святым никейским канонам, мы объявляем не имеющими силы и, властью блаженного апостола Петра, отменяем их во всех частях общим определением"¹⁴.

В ответе на ходатайство епископов четвертого собора, папа подтверждает свое одобрение их догматических определений (изложенных в согласии с его посланием к Флавиану), а также отмену двадцать восьмого правила. "С каким благоговением, - пишет он им, - апостольский престол блюдет правила Святых Отцов, ваша святость усмотрит при чтении писаний моих, в которых я отверг притязания константинопольского епископа; и вы поймете, что, с помощью Господа, я хранитель кафолической веры и отеческих установлений"¹⁵. Хотя святой Лев, как мы только что видели, не думал, чтобы после определений его послания вселенский собор был нужен в интересах догматической истины, он все же находил его весьма желательным с точки зрения мира церковного; и то, что собор добровольно и единодушно присоединился к его определениям, было для него большой радостью. Это свободное единство осуществляло в его глазах идеал иерархических отношений. "Заслуга священного сана, - писал он епископу Феодориту Киррскому, - приемлет великий блеск там, где власть начальствующих охраняется так, что свобода низших нисколько не является умаленной"¹⁶. Господь не попустил, чтобы мы потерпели какой-либо ущерб в наших братьях, и то, что Он сначала определил чрез посредство наше, Он затем подтвердил чрез непреложный голос вселенского братства, чтобы показать, что воистину от Него исходит "догматическое деяние", выраженное сначала первейшим из престолов и принятое затем решением всего христианского мира, дабы и в этом явно было, что члены пребывают в согласии с главою"¹⁷.

Известно, что ученый Феодорит, обвиненный в несторианстве, оправдан был халкидонским собором: но он сам считал этот приговор лишь предварительным и обратился к папе, испрашивая у него окончательное решение. Святой Лев объявил его православным в следующих выражениях: "Именем благословенного Бога нашего непобедимая истина показала тебя чистым от какого-либо

пятна ереси, по суду престола апостольского"; и он прибавляет: "Видимо нам, как печется о всех нас блаженный Петр, который, утвердив решение престола своего в определении им веры, оправдал несправедливо обвиненных"¹⁸.

Признавая свободное согласие идеалом церковного единства, святой Лев ясно различал в этом единстве начало власти и начало совета: Святой Престол определяет, а вселенский собор соглашается. Это согласие вселенского братства требуется идеалом Церкви; церковная жизнь обретает полноту свою в единодушии всех; но без решающего деяния центральной власти вселенское согласие лишено было бы действительной основы и не могло бы иметь требуемого действия, что в достаточной мере доказывает история Церкви. Последнее слово во всех вопросах догмы, окончательное утверждение всякого церковного деяния принадлежит престолу святого Петра. Вот почему в послании своем к патриарху Константинопольскому, Анатолию, по делу константинопольского клирика, Атика, которому надлежало отречься от еретических мнений своих и подчиниться четвертому собору, святой Лев устанавливает существенное различие между своим участием в решениях вселенского собора и участием в них греческого патриарха: "Он (Атик) должен исповедать, что во всех частях будет придерживаться определения веры, установленного на халкидонском соборе, с которым любовь твоя согласилась, подписав оное, и которое подтверждено было властью апостольского престола"¹⁹.

Трудно лучше формулировать основное и существенное начало церковного управления, чем это сделано святым Львом, различающим власть утверждающую и любовь соглашающуюся. Уж конечно, не первенство чести требует себе папа в этих словах. Напротив того, святой Лев вполне признает равночестность всех епископов. С этой точки зрения все они были для него братьями и соепископами. То, что он утверждает в данном случае в ясных и определенных выражениях, касается разницы во власти. Братство всех не исключает власти одного.

В письме к Анастасию, епископу Солунскому, говоря о делах, порученных его "братству" властью блаженного апостола Петра²⁰, он так выражает сущность иерархического начала: "Между самими блаженными апостолами при равенстве чести было различие власти; и если избрание было одно для всех, то преимущество над остальными было дано, тем не менее, лишь одному. Отсюда и разница между епископами, и, по великому предначертанию Провидения, установлено так, что не все могут присваивать себе все, но что в каждой области есть некто, имеющий над братьями своими первенство юрисдикции (буквально: первый приговор); и далее по великим городам были уставлены и облеченные более обширной властью, а через них забота о Вселенской Церкви восходит к единому престолу Петра, и ничто не должно отделяться от вождя своего"²¹.

Что касается окончательной гарантии и санкции этого "великого провиденциального распорядка", то они по мнению святого Льва состоят в том, что единый глава Церкви, к которому восходят права и обязанности всех, получил власть свою не от земных учреждений и исторических обстоятельств, но представляет несокрушимый камень Истины и Справедливости, положенный самим Господом, как основание Его общественного здания. Не на соображения пользы только, но в особенности на *ratio pietatis* ссылается тот, кому управление всей Церковью вручено *e divina institutione*²².

Примечания:

1 Так назван он в конституции императора Валентиниана Ш. Смотри: Ойра S. Leonis Magni, 1.1, col. 637.

2 Ibid, col. 664.

- 3 Ibid, col. 646.
- 4 Ibid., col. 695,6.
- 5 Ibid., col. 733.
- 6 Ibid., col. 783.
- 7 Послание святого Льва к императору Маркиану, Ibid, col, 918.
- 8 Ibid., col. 927.
- 9 Ibid, col. 930.
- 10 Ibid, col. 932.
- 11 Послание святого Льва. Ibid., col. 937,9.
- 12 Ibid, col. 987.
- 13 Послание святого Льва. Ibid., col. 995.
- 14 Ibid, col. 1000.
- 15 Ibid, col. 1027 ssq.
- 16 Послание святого Льва, etc. Ibid, col. 1048.
- 17 Ibid, col 1046,7.
- 18 Послание святого Льва. Ibid., col. 1053.
- 19 Послание святого Льва. Ibid., col. 1147.
- 20 Ibid, col. 668.
- 21 Послание святого Льва. Ibid., col. 676.
- 22 Ibid., col. 646.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Признание взглядов папы святого Льва греческими отцами.

Ефесское "разбойничество"

В писаниях и деяниях Льва I перед нами уже не зачаток державного папства, а само это папство во всей широте его прав и задач. Чтобы указать только на наиболее важное, за четырнадцать веков до Пия IX-го учение о непогрешимости *ex cathedra* было уже провозглашено. Святой Лев утверждает, что власти престола апостола Петра вполне достаточно, чтобы разрешить какой-либо основной догматический вопрос, и он обращается к вселенскому собору не затем, чтобы этот последний определил догму, но чтобы он, в целях мира церковного, выразил свое согласие с определением, уже данным папою, который, по божественному праву, является законным хранителем истинной католической веры. Если это положение, лишь развитое на ватиканском соборе (в его *constitutio dogmatica de Ecclesia Christi*), есть ересь, как это утверждали у нас, то папа святой Лев Великий явный еретик или даже ересиарх, так как никто до него не поддерживал этого положения с такой силой и с такой настойчивостью.

Посмотрим же, как приняла восточная Церковь властные утверждения папы святого Льва. Возьмем деяния греческих соборов, современных этому папе (тома V, VI и VII собрания Манзи), и прочтем документы. Мы находим, во-первых, замечательное письмо епископа Петра Хризолога к архимандриту Евтихию. Когда патриарх Константинопольский, святой Флавиан, осудив архимандрита одного из монастырей греческой столицы, Евтихия, за ересь, обратился к папе Льву за утверждением этого решения, Евтихий, по совету, преподанному ему императорским двором, где он имел могучих покровителей, попытался привлечь на свою сторону некоторых православных епископов. От одного из них, Петра Хризолога, он получил нижеследующий ответ: "Особенно советуем мы тебе, достопочтенный брат, с величайшим доверием держаться писаний блаженного папы города Рима; ибо блаженный апостол Петр, живущий и правящий на престоле своем, дарует ищущим истину веры. Что же до нас, пекущихся о мире и вере, мы не можем выступать судьями в делах исповедания веры без согласия римского епископа"¹.

Петр Хризолог, хотя и грек и писал на греческом языке, был, однако, епископом Равенны и, следовательно, наполовину западным иерархом. Но через несколько страниц мы находим то же учение у представителя восточной митрополии, Флавиана, святого и исповедника Восточной Церкви: "Все это дело", пишет он папе по поводу ереси Евтихия, "нуждается только и исключительно в едином вашем решении, которое может все привести к миру и тишине. Таким образом возникшая ересь и вызванная ею смута будут окончательно подавлены, с помощью Божией, священным посланием вашим, что сделает бесполезным, связанное вообще с значительными трудностями, созвание собора"².

После святого патриарха Константинопольского выслушаем ученейшего епископа Киррского, Феодорита, причисленного греческой церковью к лику блаженных. "Если Павел", пишет он папе Льву, "глашатай истины, труба Святого Духа, прибежал к великому Петру, то нам, малым и простецам, тем более надлежит прибегать к вашему апостольскому престолу за получением от вас исцеления язв, поражающих Церкви. Ибо вам принадлежит первенство по всяческим основаниям. Престол ваш украшен всякого рода преимуществами, но в особенности преимуществом веры; и божественный апостол - верный свидетель, когда восклицает, обращаясь к римской Церкви: - вера ваша возвещается во всем мире... - Вашему престолу даровано сокровище отцов и учителей истины, Петр и Павел, - просвещающее души верных. Божественная и трижды блаженная чета сия явилась на Востоке и излила повсюду свет лучей своих; но на Западе возжелала она принять разрешение от жизни сей, и там светит она вселенной. Они явно прославили престол ваш, и в этом вершина благ ваших"³.

"А мне остается ждать решения вашего апостольского престола. И молю, и прошу вашу святость, да будет надо мной, оклеветанным, праведный суд власти вашей: повелите только и прибегу принять от вас учение мое, в котором я желал лишь следовать по стопам апостольским"⁴.

И то были не пустые слова; не с риторскими фразами обращались к папе представители православия. Греческие епископы имели достаточно оснований твердо держаться за верховную власть апостольского престола. "Ефесское разбойничество" только что показало им *ad oculos*, чем может быть вселенский собор без папы. Напомним некоторые поучительные подробности этого события.

Начиная с IV века, эллинизированная часть Церкви страдала от постоянного соперничества и борьбы двух иерархических центров: древнего Александрийского патриархата и нового - Константинопольского. Внешние фазы этой борьбы зависели, главным образом, от того положения, которое принимал византийский двор; а если мы пожелаем узнать, чем определялось это положение светской власти по отношению к двум церковным центрам Востока, то мы встретимся с весьма достопримечательным явлением. Можно было бы *a priori* думать, что византийской Империи, с политической точки зрения, открывался выбор между тремя образами действия: она могла или поддерживать новый Константинопольский патриархат, как ее собственное создание, всецело находившееся в ее руках и не имевшее возможности добиться сколько-нибудь прочной независимости; или византийский цезаризм, чтобы не быть поставленным в необходимость бороться у себя дома с клерикальными тенденциями и вместе с тем освободиться от слишком тесных и докучливых уз, мог предпочесть, чтобы центр церковного отравления был где-нибудь подальше от него, но все же в пределах его власти; в этом случае ему следовало бы поддерживать Александрийский патриархат, который удовлетворял обоим

вышесказанным условиям и мог, кроме того, обосновать свое относительное (над Востоком) первенство на предании и канонах; или же, наконец, императорское правительство могло выбрать систему равновесия, оказывая покровительство то одному, то другому из этих престолов-соперников, смотря по обстоятельствам. Оказывается, однако, что на деле не было ничего подобного. Отбросив отдельные случайности и чисто человеческие отношения, следует все же признать, что было некоторое общее основание, определявшее поведение византийских императоров в иерархической борьбе, завязавшейся на Востоке; но это основание лежало вне трех, указанных нами выше, политических соображений. Если императоры и колебались в своих отношениях к обоим патриархатам, поддерживая то тот, то другой, то эти колебания не объяснялись принципом равновесия: византийский двор всегда поддерживал не того из двух соперничавших иерархов, который являлся в данное время наиболее безобидным, но того, который был не прав с религиозной или моральной точки зрения. Достаточно было патриарху константинопольскому или Александрийскому - безразлично, быть еретиком или недостойным пастырем, чтобы на долгое время, если не навсегда, быть уверенным в энергичном покровительстве Империи. И, с другой стороны, всякий святой и поборник истинной веры, вступая на епископский престол, как града Александра, так и града Константина, должен был быть заранее готов к тому, что встретит ненависть и преследование со стороны императора, а зачастую и мученический венец.

Это непреодолимое стремление византийского правительства к несправедливости, насилию и ереси и эта непобедимая антипатия его к наиболее достойным представителям христианской иерархии начали проявляться весьма рано.

Не успела Империя признать истину христианской веры, как она уже начинает преследовать светоч православия - святого Афанасия. Все продолжительное царствование Констанция, сына Константина Великого, наполнено борьбой против достославного патриарха Александрийского, между тем как еретики, епископы константинопольские, пользуются покровительством Императора. И не могущество александрийского престола, а доблесть восседавшего на нем была невыносима христианскому Кесарю. Когда через полвека переменились роли, и Константинопольский престол занят был великим святым - Иоанном Златоустом, - а Александрийский патриархат попал в руки одного из презреннейших людей, Феофила, именно этот последний сделался любимцем византийского двора, и были пущены в ход всевозможные средства, чтобы погубить Златоуста. И только ли независимый характер великого христианского оратора пугал императорский двор? Ведь, немного позже, во главе константинопольской Церкви стоял человек, обладавший не менее неукротимым духом и не менее независимым характером - Несторий. Но так как Несторий при всех этих качествах был еще и заклятым ересиархом, то он был осыпан милостями императора Феодосия II-го, приложившего старания к тому, чтоб поддержать его в борьбе, которую Несторий вел с новым патриархом Александрии, святым Кириллом, не уступавшим - если не в личной доблести, то, по крайней мере, в ревности о православной вере и богословской учености - великому Афанасию. Мы увидим сейчас, как и почему императорскому правительству не удалось поддержать еретика Нестория и погубить святого Кирилла. Немного времени спустя роли опять переменились: Константинопольский патриархат получил, в лице святого Флавиана, достойного преемника Иоанна Златоуста, а престол Александрийский перешел к новому Феофилу - Диоскору, прозванному египетским фараоном. Святой Флавиан был человек мягкий и непритязательный; Диоскор, повинный в целом ряде злодейств, отличался в особенности безмерным честолюбием и деспотическим характером, которому он и был обязан своим прозвищем. С точки зрения чисто политической очевидно было, что императорскому

правительству не было решительно никаких оснований относиться подозрительно к святому Флавиану, тогда как властные наклонности нового "фараона" должны были внушать ему справедливое недоверие. Но святой Флавиан был православным, и Диоскор обладал важным преимуществом пред ним; он склонен был примкнуть к новой монофизитской ереси. Это последнее обстоятельство послужило основанием для византийского двора взять его под свое покровительство: созван был вселенский собор под его главенством в целях придания его делу некоторого законного авторитета. Все складывалось в пользу Диоскора: на его стороне была светская власть, во всем покорный и слепо преданный ему клир, прибывший с ним из Египта, целая толпа зараженных ересью монахов, значительная часть клира других патриархатов и, наконец, малодушие большинства православных епископов, не решавшихся открыто выступить против заблуждения, раз оно пользовалось покровительством "священного величества божественного Августа". Святой Флавиан был осужден заранее, а с ним и само православие должно было рухнуть во всей восточной Церкви, - если бы только Церковь эта была предоставлена своим собственным силам. Папа Иннокентий энергично протестует против преследований святого Иоанна Златоуста и, после смерти этого великого святого, первый поднимает вопрос об очищении его памяти в Церкви от всяких наветов. И, наконец, папа Целестин поддерживает всей силой своего авторитета святого Кирилла в его смелой борьбе против ереси Нестория, пользовавшегося покровительством светской власти; и нет сомнения, что без помощи апостольского престола патриарх Александрийский, несмотря на всю свою энергию, не в силах был бы одолеть дружного напора императорской власти и большей половины греческого клира. Этот контраст между образом действия Империи и папства можно проследить и далее в истории всех восточных ересей, которые не только пользовались покровительством императоров, но были иногда и их личным изобретением (ересь монофелитская - императора Гераклия, а ересь иконоборческая - Льва Исаврянина). Но вернемся к V веку, к борьбе двух патриархатов и поучительной истории эфесского "разбойничества".

Итак, было известно, по неоднократным опытам, что в спорах двух главнейших представителей восточной иерархии западный папа, без всякой предвзятости или личного пристрастия, неизменно принимал сторону истины и справедливости. Таким образом, Диоскор, тиран и еретик, не мог рассчитывать в Риме на ту же помощь, как его предшественник святой Кирилл. План Диоскора заключался в том, чтобы, добившись осуждения святого Флавиана и торжества египетской партии, более или менее монофизитской, главой которой был он, Диоскор, присвоить себе затем первенство власти во всей восточной Церкви. Не имея надежд получить согласие папы на осуществление подобного плана, он решил достигнуть своей цели помимо папы или даже вопреки ему.

В 449 году в Эфесе созван был по всем правилам вселенский собор. На нем была представлена вся восточная Церковь. Налицо были и легаты папы святого Льва, но им не позволили стать во главе собора. Диоскор, охраняемый императорскими чиновниками, окруженный своими египетскими епископами и толпой вооруженных палками клириков, восседал как царь среди двора своего. Епископы, принадлежавшие к православной партии, трепетали и молчали. "Все, - читаем мы в русских минеях (житие святого Флавиана), - любили мрак больше, чем свет, и предпочитали ложь истине, желая лучше угодить царю земному, чем Царю Небесному". Святого Флавиана подвергли шутовскому суду. Несколько епископов бросились к ногам Диоскора, умоляя его о милосердии к обвиненному. Они подверглись насилиям со стороны египтян; эти последние кричали во весь голос: да будут разрублены надвое те, что рассекают Христа! Православным епископам были розданы таблички, на которых ничего не было написано и которые они тем не менее должны

были скрепить своей подписью. Они знали, что в эти таблички будет вписана потом еретическая формула. Большинство подписалось без сопротивления. Некоторые хотели присоединить к своим подписям оговорки, но египетские клирики силой вырывали у них таблички, ломая им пальцы ударами палок. Наконец Диоскор встал и от имени собора вынес обвинительный приговор Флавиану, по которому этот последний объявлен был низложенным, отлученным от Церкви и передавался в руки светской власти. Флавиан пытался протестовать, но клирики Диоскора бросились на него и подвергли его таким истязаниям, что через два дня он скончался.

Но пока беззаконие, насилие и заблуждение торжествовали, таким образом, на вселенском соборе, где же была непогрешимая и нерушимая Церковь Христа? Она была налицо, и она проявила себя. В ту минуту, когда святой Флавиан подвергался грубым истязаниям служителей Диоскора, когда епископы еретики шумно приветствовали торжество своего вождя перед лицом трепетавших и молчавших православных епископов, Иларий, диакон римской Церкви, воскликнул: "Contradicitur!"⁶ Уж конечно, не охваченная ужасом и молчаливая толпа православных Востока представляла в это мгновение Церковь Божию. Вся бессмертная власть Церкви сосредоточилась для восточного христианства в этом простом юридическом термине, произнесенном римским диаконом: "Contradicitur!" У нас принято упрекать западную Церковь за ее в высшей степени юридический и законнический характер. Без сомнения, принципы и формулы римского права не имеют силы в Царстве Божием. Но "ефесское разбойничество" могло служить прекрасным оправданием латинскому правосудию. Contradicitur римского диакона представляло принцип, противопоставленный факту, право, противопоставленное грубой силе; в нем проявилась непоколебимая моральная твердость перед лицом торжествующего злодейства одних и малодушия других, - одним словом, то была несокрушимая скала Церкви, ставшая перед вратами ада.

Убийцы патриарха Константинопольского не осмелились прикоснуться к диакону римской Церкви. И не прошло и двух лет, как римское Contradicitur обратило "святейший вселенский собор в Ефесе" в "ефесское разбойничество", низложило митрофорного убийцу, вызвало причисление его жертвы к лику святых и привело к созыву, под председательством римских легатов, действительного вселенского собора - халкидонского.

Примечания:

1 Conciliorum amplissima collectio (Mansi), t. V, col. 1,349.

2 Ibid., col. 1,356.

3 Conciliorum collectio, t. VI, 36,37.

4 Ibid., col. 40.

5 Весьма замечательно может послужить блестящим подтверждением нашего положения (о пристрастии византийских императоров к ереси, как таковой) то обстоятельство, что тот же самый император Феодосий II, который защищал несторианскую ересь, осужденную Церковью, несмотря на все его усилия, стал впоследствии ревностным покровителем Евтихия и Диоскора, бывших представителями взгляда диаметрально противоположного несторианству, но равно еретического.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Халкидонский собор. Вывод второй книги

Центральная власть Вселенской Церкви является несокрушимой основой социальной справедливости ибо она - непогрешимый голос религиозной истины. Заботой папы Льва было не

только восстановление на христианском Востоке нравственного порядка, потрясенного злодеяниями Александрийского патриарха, но и утверждение восточных братьев в истинной вере, которой угрожала монофизитская ересь. Дело шло о коренной истине христианства - истине Богочеловека. Монофизиты, утверждая, что Иисус Христос по воплощению является исключительно Богом, так как человечество Его всецело поглощается божеством, хотели вернуться, быть может, сами не подозревая того, к бесчеловечному Богу восточного язычества, этому Богу, поглощающему всякое творение и представляющему для человеческого ума неисповедимую бездну. Это было в сущности скрытым отрицанием пребывающего откровения и воплощения. Но так как это отрицание было скрытое, прятавшееся за великий богословский авторитет святого Кирилла (который, настаивая против Нестория на единстве лица в Иисусе Христе, допустил неточную формулу: <... - Единая природа Бога Слова воплощенная), то необходимо было дать истине богочеловечества новую, ясную и окончательную формулу. Весь православный мир ждал этой формулы от преемника апостола Петра. Сам папа Лев был проникнут важностью этого вопроса. "Спаситель рода человеческого, Иисус Христос, - говорил он, - устанавливая веру, возвращающую нечестивых к правде и мертвых к жизни, проливал в души учеников своих увещания учения своего и чудеса дел своих, дабы Христос был ими познан и как едиnorodный Сын Божий, и как Сын Человеческий. Ибо одного из этих верований без другого недостаточно было для спасения, и одинаково пагубно было исповедывать Господа Иисуса Христа только как Бога, но не человека, или только как человека, но не Бога (делая Его в первом случае недостижимым для нашей немощи, а во втором - бессильным спасти нас). Но необходимо было исповедовать и то и другое, ибо как истинное человечество нераздельно было с Богом, так и истинное божество нераздельно было с Человеком. Вот почему для подтверждения сего благотворнейшего (saluberrimum) познания Господь и спросил учеников своих; и Петр, по откровению Духа Отчего, превозмогая телесное и превышая человеческое, увидел умными очами Сына Живого Бога и исповедал славу Божества, ибо взор его был направлен на нечто другое, чем только сущность плоти и крови. Он так проникся возвышенностью этой веры, что, объявленный блаженным, приобрел священную крепость нерушимого камня; и воздвигнутую на сем камне Церковь не одолеют ни врата ада, ни законы смерти. Вот почему при рассуждении всяческих тяжб лишь то будет утверждено на небесах, что установлено судом Петра"¹.

Исповедуя, что основная функция церковной власти - утверждение и определение христианской истины - неотъемлема от занимаемого им престола святого Петра, Лев счел своим долгом противопоставить новой ереси и новое изложение апостольского исповедания. В своем знаменитом догматическом послании к Флавиану он смотрит на себя, как на вдохновенного посредника, представителя князя апостолов; и весь христианский Восток признал в нем такового. В Лимонаре² святого Софония, патриарха Иерусалимского (VII век), мы находим следующее сказание: "Когда святой Лев написал свое послание к святому Флавиану, епископу Константинопольскому, против нечестивых Евтихия и Нестория, он положил его на гробницу верховного апостола Петра и, пребывая в молитвах, бдении и посте, умолял верховного апостола, говоря: "Если как человек я погрешил в чем-либо, добавь недостающее и уничтожь все излишнее в писании моем, ты, которому Спаситель,

Господь и Бог наш Иисус Христос поручил престол сей и всю Церковь". По прошествии сорока дней, апостол явился ему, когда он молился, и сказал: "Я прочел и я исправил". Взяв послание с гробницы блаженного Петра, Лев развернул его и нашел его исправленным рукою апостола"³.

Это послание, действительно достойное такого исправителя, с изумительной ясностью и силой определяло истину двух природ в едином лице Христа и сделало невозможными впредь в Церкви два противоположных заблуждения - ересь Нестория и ересь Евтихия. Послание святого Льва не было прочтено на "ефесском разбойничестве", что явилось одним из главных доводов к отмене решений лжесобора. Диоскор, который в силах был принудить собрание всех восточных епископов к осуждению святого Флавиана и заставить их подписать еретическую формулу, встретился с неожиданным сопротивлением, когда осмелился открыто выступить против папы. Этот последний, узнав от своих легатов о том, что произошло в Ефесе, тотчас созвал собор латинских епископов в Риме и с единодушного одобрения их осудил и низложил Диоскора. "Фараон", с торжеством вернувшийся в Александрию, пробовал вступить в пререкание с папой, но ему скоро пришлось убедиться, что он имеет дело здесь не с пустыми притязаниями, но с живой духовной властью, пользующейся повсеместным признанием в христианском мире. Гордыня и смелость церковного хищника разбились об истинный камень Церкви: пустив в ход все обычные для него средства насилия, он мог принудить лишь десять египетских епископов присоединиться к нему для осуждения папы Льва⁴. Даже на Востоке все смотрели на это бессильное оскорбление, как на акт безумия, окончательно погубивший египетского "фараона".

Защитника двух противоположных ересей, покровителя Нестория и Диоскора, императора Феодосия II, в это время уже не было в живых. С вступлением на престол Пульхерии и ее номинального супруга Маркиана открылась весьма короткая фаза, в течение которой императорское правительство, по религиозному убеждению, по-видимому, с решительностью выступило на защиту правого дела. Этого было достаточно, чтобы вернуть православным епископам Востока утраченное ими мужество и привлечь к православию, исповедуемому новым императором, всех тех, кто примкнул к ереси из желания угодить его предшественнику. Но сам православный император не питал особого доверия к этим шатким епископам. В его глазах верховным авторитетом в делах веры являлся папа. "В вопросе о католической религии и вере христиан, - читаем мы в императорском письме к святому Льву, - мы сочли справедливым прежде всего обратиться к твоей святости, блюдущей и правящей божественною верою (<...)⁵, будущий собор, по мысли императора, должен, под верховным водительством папы (<...), удалить из Церкви все нечестивые заблуждения и восстановить совершенный мир в среде епископов католической веры⁶.

А в другом письме, последовавшем вскоре за первым, император вновь подтверждает, что собор должен признать и изложить для Востока то, что папою определено в Риме⁷. Императрица Пульхерия пишет в том же духе, заверяя папу, что собор "даст определение католического исповедания, согласно требованиям христианской веры и благочестия, под верховным водительством твоим"⁸.

Вселенский собор состоялся в Халкидоне (в 451 году) под председательством римских легатов; первый из них, епископ Пасхазин, встал и сказал: "Мы получили указания от блаженного апостольского епископа города Рима, главы всех Церквей, и нам предписано не допускать Диоскора в среду собора"⁹. А второй легат Люценций объяснил, что Диоскор уже осужден за то, что незаконно присвоил себе право суда и созвал собор без согласия апостольского престола, чего никогда не бывало и не должно быть (<...)¹⁰. После долгих переговоров, представители императора объявили, что Диоскор не будет заседать, как член собора, но предстанет перед ним в качестве обвиняемого, так как, после осуждения его папой, на него возведен ряд новых обвинений¹¹.

Суждению предшествовало прочтение догматического послания папы, которое православные епископы приветствовали, восклицая: "Петр сказал устами Льва!"¹². В следующем заседании несколько клириков Александрийской Церкви представили письменную просьбу, обращенную к "святейшему и боголюбезному вселенскому архиепископу и патриарху великого Рима, Льву, и к святому вселенскому собору в Халкидоне. Это был обвинительный акт против Диоскора, который - говорили жалобщики - "утвердив ересь на соборе разбойников и убив святого Флавиана, пытался совершить еще более тяжкое преступление - отлучить от Церкви святейший и священнейший апостольский престол великого Рима"¹³. Собор не счел себя в праве вновь судить епископа, уже осужденного папой, предложил римским легатам постановить приговор над Диоскором¹⁴, что эти последние и сделали в нижеследующих выражениях (перечислив сначала все преступления Александрийского патриарха): "Святейший и блаженнейший архиепископ великого и Древнего Рима, Лев, чрез нас и присутствующий здесь святой собор, вместе с трижды блаженным и преславным апостолом Петром, который есть камень и утверждение кафолической Церкви и основа православной веры, лишил сказанного Диоскора епископского сана и всех степеней священства!"¹⁵.

Торжественное признание верховной власти папы на Халкидонском соборе увенчано было посланием восточных епископов, обращенным к Льву, в котором они ставят ему в заслугу все, что было сделано на соборе: "Ты, - пишут они ему, - через викариев своих предводительствовал (<...>) и направлял все множество отцов, как голова правит членами (<...>), указав им истинный смысл догмата"¹⁶.

Чтобы отвергнуть как хищение и заблуждение первенство власти и учительного авторитета римского престола, не достаточно, как мы видим, объявить хищником и еретиком такого человека, как святой Лев Великий: надо еще обвинить в ереси вселенский собор в Халкидоне и всю православную Церковь пятого века. Таков вывод, с очевидностью вытекающий из только что приведенных нами достоверных свидетельств.

Примечания:

1 S. Leonis Magni opera (Migne), 1.1, col. 309.

2 Род хрестоматии из назидательных рассказов.

3 Смотри в русских Минеях житие святого Льва, папы.

4 Conciliorum collectio (Mansi), VI, 510.

5 Conciliorum collectio (Mansi), Ibid-, 93.

6 Ibid., 93.

7 Ibid., 100.

8 Ibid, 101.

9 Conciliorum collectio (Mansi), Ibid., 580,1.

10 Ibid.

11 Ibid, 645.

12 Ibid, 972.

13 Ibid, 1,005,9.

14 Ibid, 1,045.

15 Ibid, 1,048.

16 Conciliorum collectio (Mansi), Ibid, 148.